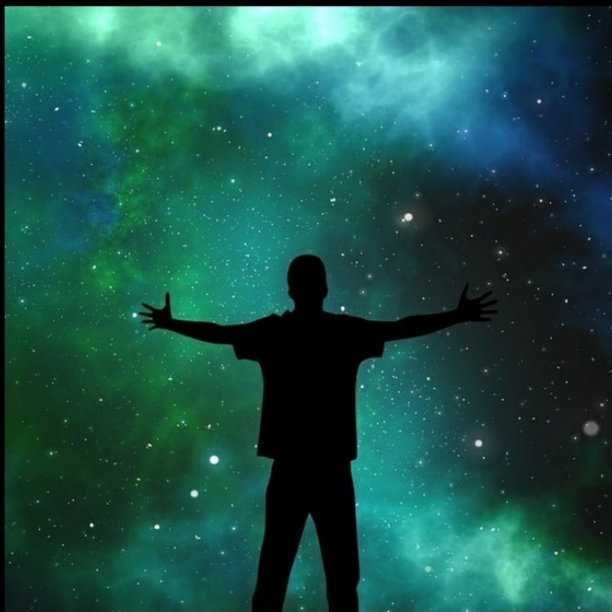

Натали Бизанс
Восхождение

Сага «Исповедь». Книга третья

Натали Бизанс

Восхождение. Сага

«Исповедь». Книга третья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25200252

ISBN 9785448553127

Аннотация

Бывший католический священник Эрик Вишневский покинул служение в Церкви ради любви. Но найти себя в обычной жизни ему непросто. Впереди новый период становления, поиски ответов на вечные вопросы, зов призвания. Не избежать искушений, труден и тернист путь души, жаждущей реализовать заложенные в ней уникальные способности, быть полезной людям, дарить счастье своим близким. Внезапно в нём открывается память прошлого, с которой нужно научиться жить, вопреки всем прописным постулатам религии.

Содержание

Часть 1. Глава 1	6
Часть 1. Глава 2	12
Часть 1. Глава 3	15
Часть 1. Глава 4	21
Часть 1. Глава 5	27
Часть 1. Глава 6	33
Часть 1. Глава 7	38
Часть 1. Глава 8	43
Часть 1. Глава 9	48
Часть 1. Глава 10	52
Часть 1. Глава 11	58
Часть 1. Глава 12	61
Часть 2. Глава 1	65
Часть 2. Глава 2	70
Часть 2. Глава 3	75
Часть 2. Глава 4	81
Часть 2. Глава 5	86
Часть 2. Глава 6	94
Часть 2. Глава 7	99
Часть 2. Глава 8	103
Часть 2. Глава 9	110
Часть 2. Глава 10	115
Часть 2. Глава 11	120

Часть 2. Глава 12	126
Часть 3. Глава 1	132
Часть 3. Глава 2	135
Часть 3. Глава 3	142
Часть 3. Глава 4	146
Часть 3. Глава 5	153
Часть 3. Глава 6	161
Часть 3. Глава 7	168
Часть 3. Глава 8	174
Часть 3. Глава 9	179
Часть 3. Глава 10	186
Конец ознакомительного фрагмента.	192

Восхождение Сага «Исповедь». Книга третья

Натали Бизанс

© Натали Бизанс, 2018

ISBN 978-5-4485-5312-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Глава 1

Поезд ещё только набирает скорость, вокзал уже далеко позади, там остались самые дорогие сердцу люди. Впереди – неизвестность. Сколько раз в жизни я вот так всё оставлял и, отдаваясь в руки Божьи, летел навстречу судьбе?!

Небольшая дорожная сумка лежит под боком, сверху на багажной полке томится чемодан, все вещи бережно упакованы любимой. Они ещё хранят тепло её рук и излучают энергию семейного очага. Не открываю их, чтобы не выпустить, как джинна из бутылки, воздух родного гнёздышка, голоса наших детей, их радостный смех и светлую печаль при расставании. Только когда доберусь до моего временно-го пристанища, отворю замки, проведу по полотенцу рукой, и покажется, что родные рядом.

Всё труднее с каждым разом уезжать, но моё обучение в Париже продолжается, и я намерен довести его до конца, чтобы стать православным священником. Письмо, когда-то написанное Архиепископом Польши своему давнему другу, открыло для меня новый путь к служению Церкви. Несколько лет назад я покинул католичество, избрав любовь своим единственным ориентиром. С тех пор много воды утекло, мы с Наташей боролись за жизнь, обвенчались, и у нас родился сын. За эти годы я успел потрудиться в журналистике и про-

должаю вспахивать ниву эпистолярного жанра в открытой переписке с читателями не только в рубрике вопросов и ответов, но и в ежемесячном приложении «Заметки духовника». Благодаря этому, удаётся обеспечивать семью и учиться, снимая крохотную комнатёнку в старинном районе Парижа, в доме, которому без малого триста лет.

Столица Франции сразила меня наповал разноцветьем буйных красок и контрастов. В метро можно услышать какой угодно язык, кроме французского. Наравне с христианскими храмами здесь разместились мечети и синагоги. Эмиграция приобрела впечатляющие масштабы: приезжих стало больше, чем коренных жителей, во всяком случае, в Париже всё выглядит именно так. Этот город вообще живёт по каким-то своим непонятным для меня законам.

После обучения в Варшаве я думал, что легко приспособлюсь к ритму больших городов, но теперь понимаю, что это не так. За неделю выматываюсь настолько, что хоть волком вой, хочется скорее покинуть этот кипучий муравейник, бросить всё и уехать домой, туда, где меня любят и ждут. Разлука тяжела, но и забрать родных в этот хаос я тоже не могу. Сначала необходимо добиться того, ради чего я приехал, затем определиться с местом, где буду служить, устроиться и уже после этого привезти семью.

О, Париж, Париж – мировая столица моды! На деле оказалось, что живущие здесь совершенно безразличны к то-

му, как выглядят. Прохожие одеваются, кто как может, молодёжь в общей массе выглядит небрежно и однополо. Только в пожилых парижанах ещё сохранился старинный лоск времён Коко Шанель и Ив Сен-Лорана... Конечно, я не бывал на показах от кутюр и не посещал великосветские мероприятия, – это моё впечатление от улиц и горожан в целом.

Шумный город смешивается с неоновым светом, реклама мелькает перед глазами истощёнными телами моделей, глядящими на жизнь равнодушно и свысока. Разные ассоциации вызывают эти картинки: одну хочется накормить, другую одеть, потому что иначе замёрзнет, а этой уже никто не поможет... Непонятно, кто из нас более странный: современный Париж или бывший священник из Польши, приехавший во Францию постигать вершины православной веры?

Живу я на небольшой улочке, зажатой между современными кварталами, она наверняка помнит ещё революцию. Райончик, затерявшийся в мегаполисе, когда-то считался даже престижным, поговаривают, что здесь жила сама Эдит Пиаф! Теперь же его наводнили в основном переселенцы, вытеснив коренное население, и в моё окно по утрам доносятся не песни на французском, а молитвенные возгласы на арабском языке. Я ничего не имею против и уважаю все религии мира, но так и не могу привыкнуть, где же я всё-таки нахожусь? Такими же вопросами озадачены и многие здешние аборигены. Мир меняется, и каким он станет, знает только Господь.

По ночам ходить здесь опасно и даже ближе к вечеру лучше оставаться дома. Местечко славится криминальными историями. Я снимаю комнату под самой крышей. В самом низу находится небольшой бар, хозяйка напоминает мне добротную гусыню с громким и крикливым голосом, полными боками, нетерпеливым характером и буйным нравом. Только если взглянуть в её глаза, можно обнаружить за всей этой внешней бравадой душу, глубоко одинокую, с непростой судьбой. Её здесь побаиваются и уважают, за глаза называя «железной леди». Благодаря ей в этом замкнутом микромире царит порядок. Комнаты содержатся в чистоте, квартиранты живут спокойно, друг другу не мешая, под контролем всевидящего ока мадам. Квартплата взимается строго в определённый день у всех без исключения. Не заплатил – отдаёшь ключи, и попробуй ей только перечить!

Однажды я стал свидетелем, как она спустила проштрафившегося парня с лестницы, не позволив забрать даже вещи.

- Оплатишь долг – заберёшь своё барахло.
- А если я захочу остаться?
- Тогда плати на месяц вперёд, доверия к тебе больше нет, – разговор короткий. Но и её можно понять, непросто со всем управляться одной.

На двух других этажах этого узкого многоярусного здания между баром и чердаком в маленьких клетушках, называе-

мых квартирами, живут два вьетнамца, индус и несколько молодых женщин древнейшей профессии.

Слышимость в доме уникальная и понятно, кто чем занимается. По вечерам жрицы любви спускаются в бар, к ним похаживают определённые клиенты. Под это занятие отведены комнаты второго этажа. Хозяйка, конечно же, в деле, что там и говорить, в курсе и местные полицейские.

Вьетнамцы – самые тихие из всех соседей, работают уборщиками в аэропорту, чаще всего в разные смены, тихие разговоры между собой со звуками, похожими на мяуканье котят, редко слышны. Индус из квартиры напротив, замкнутый молодой человек, кажется, студент, от него часто просачивается в моё жилище запах благовоний и пищи, приготовленной с особыми пахучими приправами, неизвестными мне. Он, по большому счёту, ни с кем не общается то ли от незнания языка, то ли по каким-то другим своим причинам.

Могу ли я привезти свою семью в такие условия? Ответ однозначный – нет. Почему бы не поискать другое жильё? Оно будет мне не по карману и вряд ли что-то изменит.

Для одного много не нужно, я вернулся к своему привычному аскетизму, и в глубине души этому рад. Наташа прекрасно готовит, отказаться от её блюд невозможно, но держать себя в строгости – мой внутренний выбор, от этого душа становится только сильнее, и сейчас я могу себе это позволить.

Ощущать себя вновь учеником, в другой стране, вновь проверяя судьбу на прочность, мне не привыкать, а если учесть ради чего я это делаю, то трудности только в радость. И чем сложнее складывается ситуация, тем легче её преодолеть; тем больше уверенности в том, что всё идёт как надо. Ведь ни одно поистине значимое достижение не даётся незаслуженно.

Наташе тоже нелегко оставаться с двумя маленькими детьми, но рядом с нею те, кто всегда поможет и поддержит: Марик и Агнешка, Виктор с Таней, да и родители жены недалеко. В доме нашем защищают сами стены, пропитанные материнскими молитвами и слезами. Моё сердце спокойно за них, хоть тоска и гложет. Куда же без неё?..

Часть 1. Глава 2

За окном мелькают деревья, станции и города. Я люблю поезда с детства, когда мы ещё жили недалеко от железнодорожного вокзала и по ночам можно было любоваться в окно, как проносятся мимо огоньки дремлющих вагонов, в которых наверняка уже спят люди, но всегда находится хоть один пассажир, прикинувшийся к холодному стеклу и глядящий в темноту. И я задавался вопросом: «О чём он думает? О чём мечтает?»

Внутренний мир человека всегда был для меня самым интересным и увлекательным. И вот теперь я сам вглядываюсь, как уплывает ночной пейзаж за окном, а в чьих-то домах уже погашен свет, и эти плавно текущие мысли соединяют прошлое с настоящим. Вполне возможно, что сейчас где-то там какой-то ребёнок наблюдает за спешащим в ночи поездом и думает обо мне. А может, это я сам из прошлого смотрю на себя сегодняшнего и пытаюсь понять?..

В вагоне тихо, горят только дежурные лампочки в проходе, все пассажиры уже улеглись, кроме меня. Под стук колёс так хорошо думается!

Я опять ощущаю себя студентом, покинувшим родной дом ради продвижения к заветной цели. Когда-то, дыша полной грудью воздухом веры, я тосковал по любви. Избрав любовь, печалился о Церкви. Теперь же нужно объединить од-

но с другим: обрести себя в Боге и Его в себе отыскать.

Семинаристом в полном смысле этого слова я не стал повторно, но поучиться есть чему. Прислуживаю на богослужениях наравне с молодыми, изучаю различия между православием и католицизмом. Углубляюсь в сакраментальные истины. Учителя строгие, но справедливые и очень внимательные, и это именно то, что нужно на сегодняшний день.

И ещё, я понял одну замечательную вещь: какого уровня развития ты бы не достиг, помни, что всегда найдётся тот, кто лучше и выше тебя, у кого есть чему поучиться. Смирение и кротость – две лучшие подруги на духовном пути. И снова: «если хочешь быть первым, стань последним и прислуживай всем».

От французского часто вскипает мозг и серое вещество плавится в голове. Возвращаясь домой, валюсь на кровать и, затыкая уши подушкой, лежу, стараясь ни о чём не думать, потому что нет больше сил. Куда легче в своё время учился польский, так похожий на наш язык. Тут же и спортсмен ногу сломит, всё с точностью до наоборот, отличен даже сам образ мышления. Говорят, что русский язык находится в одном полушарии мозга, а французский – в другом, таким образом работают оба сразу, пока дым из ушей не повалит. Конечно, человек ко всему привыкает, со времен станет легче, ну а пока без головных болей не обходится.

«Хорошо, что меня ещё в Китай не отправили! Было бы

совсем весело. Хотя, надо об этом подумать...»

Развлекаю себя глупыми мыслями, стараясь не думать о том, сколько улыбок Данички я не увижу? Сколько рисунков Эрики не посмотрю? Сколько ночей проведу без любимой, мечтая о встрече? Но за всё на Земле есть плата, и если ты не готов отдавать по счетам, то нечего и начинать.

Моя семья со мною, в сердце, сколько бы тысяч километров нас ни разделяло. Так же как и родители, Царство им Небесное, никогда не покидают его.

Поезд остановился. Очередная станция, открылись двери вагона, вошли люди, кто-то присоединился к нашему движущемуся в ночи змеевидному дому. Загремели багажом, ещё минут десять постоим, вскоре все улягутся, и снова останется лишь стук колёс да звёздное небо за окном...

Часть 1. Глава 3

Вот и Париж: пёстрый, шумный, разноцветный. Как огромный кит поглощает планктон, точно так же мегаполис воздействует на человека. В толпе не зевай, сумка под контролем, чемодан в зубы и айда в кишечник столицы под названием метро. Смешно, но это и вправду напоминает организм с множеством клеток, бактерий и микроорганизмов, бегущих каждый по своим делам, порой соприкасаясь и конфликтуя, но чаще безразлично, на ходу отталкиваясь друг от друга. Только влюблённые пары и дети напоминают о том, что мы не роботы, а люди. Что вся эта беготня и возня — часть жизни каждого отдельно взятого человека, и в нём есть целый мир, своя неповторимая душа и целая вечность.

Пока я добрался до своей каморки, ушла масса времени и сил. Повезло хотя бы в том, что живу я недалеко от метро, и до дома можно дойти пешком.

Мадам встретила меня с улыбкой и напомнила про деньги. Не откладывая всё в долгий ящик, я с ней рассчитался на месяц вперёд и поднялся по узкой, скрипучей лестнице, ведущей к чердачному помещению. Тут и размещается мой милый скворечник с небольшим окошком, из которого открывается вид на пыльную, шумную улицу с вечно бегущими куда-то мимо прохожими, машинами и редкими предста-

вителями животного мира. На крышу частенько прилетают голуби и воркуют, чем радуют меня безмерно. Напротив стоит вереница домов, плотно склеенных друг с другом, в которой обитает масса народу со всего света, всех цветов, рас, национальностей и религий.

Земля эмигрантов (*Terre d'asile*), в начале французы искренне гордились своим гуманизмом, своей гостеприимностью и открытостью, особенно для бывших колоний, но последние годы взгляды граждан изменились. Безработица растёт, поднимаются налоги, бюджет трещит по швам, к тому же не все новоприбывшие спешат работать, пособия и социальная помощь порою выгоднее и куда более приятны. Об этом мне рассказывают сами французы, пропуская по вечерам в баре стаканчик красного вина, жалуются, что устали кормить всех этих тунеядцев. Криминал растёт: наркотики, проституция, воровство, убийства, насилие...

Мне интересно их послушать, а заодно съесть чего-нибудь и понаблюдать, как живут эти люди. Хозяйка не готовит особых блюд, максимум, что можно здесь заказать, – это какой-нибудь сэндвич или крок-мёсьё – горячий бутерброд с ветчиной и сыром.

Иногда епископ приглашает меня в хороший ресторан поужинать и даже к себе домой – особый знак редкостного расположения. Вспоминаем его друга, ставшего Архиепископом Польши. Стараясь быть внимательным, в основном слушаю, (мы и виделись-то с его старинным однокурсником все-

го пару раз), но именно благодаря протекции монсеньора я оказался в Париже.

Мой новый покровитель гордится мной, словно кулинар новоиспечённым шедевром, возможно потому, что я был католиком, как и он в своё время, и тоже перешёл в православную веру... Таких, как мы, на самом деле, немало. Церковь византийской традиции тщательно хранит и оберегает век за веком свои древние культы и обряды, тогда как римская реконструировала и модернизировала очень многое. Часто именно это и приводит к отторжению в душах верующих, ищущих в религии нечто сакраментальное, таинственное и вечное, а не песни под гитару на современный мотив во время богослужения. Это и меня всегда коробило, если честно. ОргАн сотрясает глубины души, но во многих храмах он больше не звучит. Мне объясняли, что современное оформление службы привлечёт молодёжь, мол древность и консерватизм её только отпугивает, но на деле я вижу, что это не так. Не только не прибыло, а сильно убывает количество верующих, особенно это ощущается в Европе.

– Мне нравится, как ты стремишься к своей цели, Эрик, сколько вкладываешь усилий и терпения. И скоро мы сможем подвести итоги. Что ты собираешься делать потом: вернёшься домой или всё-таки продолжишь служение здесь под моим началом?

Это был сложный вопрос. Я не знал, что ответить.

– Хотелось бы сеять вечное и доброе там, где в этом особенно нуждаются.

– Я подумаю, что можно сделать для тебя и твоей семьи, а пока рад, что ты здесь.

Мне симпатизирует его откровенность. Епископ не скрывает своего расположения, точно так же как и раздражения, когда оно появляется. «Разборы полётов» бывают очень серьёзными с теми, кто пренебрегает своими обязанностями и преступает нравственные и моральные устои. Пряник и кнут, – ничего не изменилось на Земле со стародавних времён. Как генералы держат армию, так и духовенство свою. Мы – те же солдаты, только боремся без оружия и за души людские.

Как-то раз подумал о том, что сам мог бы быть уже епископом, если б принял тогда предложение. И содрогнулся от одной этой мысли. Если бы я отказался от Наташи, на свет не появился бы Даниил. Душа моего любимого друга не пришла б в этот мир, а если бы и воплотилась, то не у нас. Так что я ни о чём не жалею и готов оставаться прислужником, если понадобится до конца своих дней, лишь бы любимые были рядом.

Комната встретила меня солнечным светом, на подоконнике засыхающий цветок герани, за окном греются распушившиеся на ветру голуби, под крышей у них своё тайное укрытие. Частенько их подкармливаю, оттого и любят это ок-

но. Старая кровать с таким же деревянным шкафом рядом, стол, за которым приходится и есть, и работать, тумбочка и два стула, вот и всё убранство комнаты, если не считать микроволновки и электрочайника, и ещё портативный компьютер, заменяющий мне и телевизор, и средство связи. Благо, что мадам поделилась со мной wi-fi при одном условии, что не буду заниматься пиратством.

Положив чемодан на кровать, я расстегнул молнию на нём, и тепло семейного очага наполнило меня и всё вокруг разноцветными бабочками: тепло Наташиных рук, голоса Эрики и Дани, – всё это хранили вещи, привезённые мной из дома. Доставая одежду, я развешивал и раскладывал её в шкаф, пока не нашёл под одной из рубашек детский рисунок. На нём нарисованы все: красавица мама с цветами в волосах, рядом с нею я, Эрика с кудрями, уже совсем большая, маленький братик, держащий её за руку; ещё один папа с ребёнком, Миша с большой не по размеру головой, Татьяна в кухонном переднике с поварешкой в руке, Агнешка с красными волосами и Марик со шлемом. Все мы размещались на природе, под ногами трава и цветы, а сверху солнышко и маленькое облачко с дождём, но это лишь для того, чтоб появилась радуга, ведь без неё мир становится беднее...

Глаза защипало от этого рисунка, тоска по родным живёт во мне безмерная. Наверное, нельзя так сильно любить, но я не умею иначе. Они – единственное моё сокровище на Зем-

ле, моя небесная радуга.

Часть 1. Глава 4

Рисунок Эрики я повесил на стену возле кровати и люблюсь им каждый день. Таким образом любимые и дорогие люди всегда со мною рядом, улыбаются, оживая на картинке. Иногда даже обращаюсь к ним, когда становится особенно тоскливо.

Всё своё время трачу если не на учёбу, то на работу, исправно отсылая в издательство положенный объём материала. Иногда на сон остаётся совсем мало часов, но это нестрашно. По дороге в общественном транспорте можно позволить себе вздремнуть, тем он и хорош.

Однажды так крепко заснул, что, очнувшись, не мог долго понять, где же я теперь нахожусь. Оказалось, давно пропустил нужную остановку, пришлось добираться обратно. Ну, не Штирлиц, понятно, что же тут поделаешь?!

Мозги заполнены до предела, может быть поэтому никаких особенных событий не происходит. Да и как я бы справился с ними в Париже, где ежедневно происходит столько всего, что машины с мигалками не умолкают ни днём, ни ночью?

Дневник Агнешки всегда со мною, но я давно не открывал его просто из-за нехватки свободной минуты, и всё же таскаю его повсюду: вдруг появится возможность почитать. В поездах и метро не выходит, тут же начинаю носом кле-

вать. По вечерам, покуда остаются силы, пишу, отвечаю на сообщения, комплектую материал. Секретарша в издательстве вынуждена сканировать для меня бумажные письма и отсылать на электронную почту, чтобы не тратиться на пересылку. Каждый раз чувствую, как её это достало, между тем поток корреспонденции не уменьшается. И так день за днём.

Зачем же я тогда ношу с собой эту тетрадку? Может потому, что она греет мне сердце, излучая энергетику дорогого человека, как бы оберегая меня...

По привычке подложив портфель под щёку, я сам не заметил, как заснул. Разбудил до боли знакомый русский мотив «Катюши». Открыв глаза, увидел музыканта, проходившего по вагону с аккордеоном в руках. Лицо мужчины покрыто шрамами, широкие плечи, могучий силуэт. Русые волосы давно не стрижены и не мыты. На шее большой потрёпанный вязаный вручную серый шарф, протёртые в армейском стиле штаны цвета хаки, старый выцветший свитер, растянутый на локтях и берцы на ногах, как у военных. Он протянул ко мне кепку, в которую пассажиры бросали мелочь, я положил купюру.

Парень удивился.

– Русский, что ли?

– Есть маленько.

Его лицо преобразилось: широкая улыбка обнажила желтоватые от курения зубы. – Спасибо, порадовал! Что дела-

есть в Париже?

– Учусь.

– Студент, что ли? А с виду солидный... – он кашлянул в кулак. – Извини, брат, простыл немного, – от него разлило потом, дешёвой выпивкой и табаком.

– Выздоровливайте! Я, и вправду, староват для студента, но учиться никогда не поздно, так ведь?..

– Это, да. Я вот так и не закончил института, выперли на третьем курсе, а потом армия... – на вид ему было около сорока, но возраст трудно определить на неухоженном лице, обросшем густой щетиной.

Странное чувство не давало нам с ним распрощаться, он застрял возле меня, позабыв про деньги и музыку.

– Владимир, – он протянул ладонь богатырских размеров.

– Эрик, – я пожал ему руку.

– Ты откуда, чем занимаешься?

– Из Латвии, хочу стать православным священником.

Он ухватился за поручень, будто его тряхнуло.

– А ты хорошо играешь, молодец!

– Посредственно, но на хлеб хватает.

– Извини, мне пора выходить, моя остановка, – я приподнялся и немного его отодвинул, чтобы пройти.

– Выйдем вместе, мне всё равно куда идти, я весь день мотаюсь по метро из одного конца в другой, так что, без разницы. Давно хотел поговорить со священником, только вот доверия они мне не внушали. Зажрались совсем. Знаешь, ведь

как говорят: раньше душа золотая была, а крест деревянный, теперь наоборот. Им тут в Париже привольно живётся, как сыр в масле катаются, нашего брата хватает, тоскуют по Родине, потому и в церковь идут, пожертвования щедрые приносят. Не похож ты как-то на них, бреешься...

– Это привычка.

– А вот скажи мне, будущий поп, в бороде ли дело? Что если не бриться, Бог больше любит? – его глаза наполнились злостью.

Сказал так, что холодок прошёл по спине.

– Как мне кажется, это личное дело каждого и никакого отношения к религии не имеет.

Он схватил меня за рукав, словно боясь, что я сейчас сбегу.

– Вот я тебя и нашёл!

Непонятно, что он имел в виду, его странное поведение заставило насторожиться. Агрессивности в этом парне было предостаточно и раздражать его вовсе не хотелось. Попытался передать ему покой, он его принял как пересохшая земля влагу. Уже через минуту мы стояли на станции, и он опять улыбался.

– Мне пора на занятия.

– Возьми меня с собой!

– Понимаешь, курсы оплачивает епископ, чтобы я овладел языком... Я не могу тебя просто так привести.

– Тогда я подожду тебя неподалёку.

– Три часа?!

– Мне о многом нужно спросить.

– Хорошо, Владимир, ну а если пойдёт дождь, спускайся в метро, всё равно там встретимся.

– А ты не уйдёшь другой дорогой?

– А что, есть повод?!

Он засмеялся:

– Мудрый ответ, как у еврея.

– Все мы немножко евреи... – я похлопал его по плечу и пошёл в направлении студии, где проходили занятия, ещё долго ощущая на себе тяжёлый взгляд Владимира.

Все три часа я был рассеян, думал о нём, пытался понять, чего же он всё-таки хочет. Что-то маниакальное было в этом человеке. «Не убить же он решил, в самом-то деле?! Просто нужно поговорить, – успокаивал я себя. – Возможно, Владимир почувствовал ко мне доверие...»

– Вы сегодня сам не свой, месьё Вишневский! Соберитесь, иначе мы напрасно тратим моё время и ваши деньги, – молодая француженка показала своё недовольство, потряхнув копной каштановых волос, пребывающих в творческом беспорядке. Отсутствие косметики на лице, эмансипированный вид, говорящий о полном безразличии к половой принадлежности, – очень точно передают образ современной французской женщины.

Я вспомнил жену, которая не подкрасив реснички, из до-

ма не выходит, и улыбнулся сам себе. У наших дам это в крови, – желание быть красивой. Чего не скажешь об этих молодых людях; не сразу и разберёшься, парень перед тобой или девушка.

– Ещё одно замечание, Вы пропустили вопрос, – она метнула в меня колкий взгляд. – Если Вы не настроены заниматься, лучше перенесём урок на другое время.

– Простите, мадемуазель, я соберусь, – мне стало стыдно как школьнику, замечтавшемуся посреди урока. Во взрослой жизни всё серьёзнее и жёстче. Видит Бог, я пытался больше не отвлекаться на другие мысли, но что-то не давало мне покоя.

Часть 1. Глава 5

Расцветали каштаны, их в Париже огромное множество. Весна преобразила природу и радовала не только взгляд, но и душу. Дождя не случилось, тучи пролетели мимо, и снова засияло ласковое солнышко. Владимир задремал на скамейке прямо у входа в метро, прижав сбоку аккордеон, тихо посапывал. Я долго вглядывался в это лицо, пытаюсь понять, что за человек предо мною, стоит ли мне уйти или всё-таки разбудить его? Что так сосёт у меня под ложечкой, заставляя быть настороже рядом с ним? Но разве могу я обмануть его ожидания? Человек нуждается в откровенном разговоре, а я из-за каких-то нелепых предчувствий сбегу, словно последний трус?

Я прикоснулся к его плечу, он вздрогнул как-то по-детски, ведь сколько бы нам ни было лет, ребёнок в нас никуда не уходит и время от времени проявляется.

– Кажется, заснул... Солнце пригрело, так его перетак, аж слюнку пустил. А ты молодец, не прошёл мимо! – улыбка его показалась мне не вполне искренней, за ней притаилось что-то горькое, безрадостное, безысходное.

По мне прошла холодная волна, я испытывал подобное в присутствии смерти, когда провожал умирающих. Возможно, ему угрожает какая-то опасность?

Мы спустились в метро. Владимир молчал, насупив бро-

ви, весь погружённый в себя. «Возможно собирается с силами для исповеди?» – подумал я и решил не мешать ему, но тревога усиливалась. Взывая к Богу за помощью и благословением для этой покрытой шрамами души, я невольно всматривался в его хмурое лицо и не знал, чего ожидать.

– Ты сегодня не заработал, на что жить будешь?

Он потёр пальцем нос и посмотрел на меня таким взглядом, что подозрения только усилились. Но за что ему ненавидеть меня? Что я сделал не так, чем мог его обидеть? Мы ещё несколько остановок ехали молча.

«Видимо, он намеревается увидеть, где я живу. Стоит ли его туда вести, ведь я его совсем не знаю и намерения его мне неизвестны.»

– Давай поговорим?

– Здесь люди кругом.

– И что? Они всё равно не понимают по-русски.

– Найдём место поукромнее.

– Может в церковь зайдём? Я знаю одну неподалёку, она открыта сейчас.

– А можно вот без всего этого? Или ты боишься меня?! Я что такой страшный и вонючий, что недостойн войти в твои покои? Не беспокойся, долго не задержусь.

Поговорим, и я исчезну раз и навсегда. Хочу увидеть, как попы живут, – в его голосе прозвучал сарказм.

– Ну, что ж, будь по-твоему. Мне нечего скрывать.

Мы вышли на следующей остановке и прошли пешком два

квартала.

– Почему ты решил стать священником? – вдруг спросил он.

– Потому что искал Бога, хотел приносить людям пользу.

– Пресловутое «Возлюби ближнего своего как самого себя»?

– Да, именно так.

– Посмотрим... – он нахмурил брови и стал ещё более суровым.

– Вот здесь я живу.

Мы остановились возле бара мадам Пельтье, я показал на самый верх, где по подоконнику, распушившись в лучах уходящего солнца, важно расхаживали мои друзья-голуби.

– Именно так я себе это и представлял, – Владимир невесело улыбнулся.

– Можем посидеть в баре, поговорить, если хочешь?

– Не откладывай на потом то, что должен сделать сейчас. Без свидетелей, пожалуйста!

От этих слов стало совсем как-то нехорошо, но отступить было поздно и некуда.

– Пойдём!

«В конце концов, мы все под Богом ходим. В руки Твои, Господи, предаю дух мой!» – я открыл перед Владимиром дверь. – Прошу, на самый верх, я за тобой, тут вдвоём тесно.

Он ничего не ответил и тяжёлыми решительными шагами стал подниматься.

«Физически этот человек больше и намного сильнее меня. Случись что, не смогу ему противостоять. И зачем эти глупые мысли лезут в голову? Мы ведь просто идём поговорить. Я прижал к груди портфель с дневником Агнешки, словно он мог стать мне защитой от внезапно нахлынувшего страха.

«Эх, Агнешка, ты бы его давно раскусила, а я не могу, что-то не даёт мне пробиться к его мыслям».

Он остановился наверху, тяжело дыша, подождал меня. Открыв ключом дверь, я пропустил Владимира в свои «хоромы». Он огляделся, словно ища, к чему бы придраться. Положил на кровать аккордеон.

– Да, не густо, но у тебя ещё всё впереди, да, поп?! – он подошёл к окну.

– Меня зовут Эрик. Чай или кофе будешь?

– А спиртного не найдётся?

– Прости, не держу. Есть минералка, если хочешь...

– Давай воду, в горле пересохло.

– Ты сегодня что-нибудь ел? Я могу сделать бутерброд.

Он повернулся ко мне, словно удивляясь, зачем мне всё это?!

– На рисунке кто? – спросил он вместо ответа.

– Моя семья.

– Все дети твои?

– Двое.

– Везунчик, мне вот так и не довелось.

Я поднёс ему стакан. Он жадно его осушил несколькими

большими глотками.

– Ещё?

– Спасибо, хватит.

– Хочешь, я спущусь в бар, возьму что-нибудь для тебя.

– Если хочешь, иди сам поешь, я подожду.

– Пока нет аппетита.

– Тогда хватит тянуть резину, давай приступим к главному.

Мы сели друг напротив друга. Я выдержал его тяжёлый бронебойный взгляд.

– Как ты уже понял, не люблю я вашего брата. Но голос мне сказал, что это – ты. Ты ему нужен, и за всех ответишь!

– В каком смысле?

– В прямом. Я долго тебя искал... Однажды ночью мне приснился сон, странно, но в нём ты был в чёрной рясе с белым воротничком, как католики облачаются.

С этой минуты мне стало совсем «весело», и я с трудом сдерживался, чтобы не проявить своего волнения.

Он продолжил:

– Ты – тот, кто мне нужен.

– Когда-то я был католическим священником, – подтвердил я.

– Подожди, как это, ты же сказал, что учишься?!

– Скорее переучиваюсь. У меня уже есть сан, он даётся на всю жизнь, но вернуться в католическую церковь я больше не могу.

– Значит, ты можешь исповедовать?!

– Я ещё отстранён от служения.

– Кажется, догадываюсь, из-за неё? – он метнул взгляд на тумбочку, где стояла фотография Наташи с детьми.

– Да.

– Из-за любви, значит... – он заходил по комнате, и шрамы задёргались на его лице, словно от нервного тика. Владимир вновь подошёл к окну и что было сил стукнул кулаком по подоконнику. Голуби испугались и, сорвавшись с насиженных мест, улетели. Я не знал, чего ожидать дальше. Боль, душившая его изнутри, проедала и меня серной кислотой.

Часть 1. Глава 6

Он отошёл от окна с перекошенной физиономией человека, способного убить. Словно читая мои мысли, Владимир закатал рукава своего потрёпанного свитера, обнажая крупные и сильные кулаки, снова сел на стул и в упор, глядя мне в глаза, спросил:

– Ты готов? – он просверливал меня ледяным взглядом.

Если бы глаза могли убить, я бы уже лежал на полу мёртвый.

– Уверен в том, что хочешь сделать? Исповедь – это раскаяние, признание вины, совершенной против людей и Господа, искренне желание больше не грешить...

– Ты вот всё долдонишь про Бога, а я Его за всю свою жизнь ни разу не почувствовал, даже когда умолял: «Дай мне знак!» Он оставался глух и слеп к людским страданиям. Когда умирали мои ребята, истекая кровью в Чечне, ему было плевать.

– Как же ты можешь об этом судить? Откуда тебе знать, что испытывает Всевышний, взирая на то, как мы, Его дети, убиваем друг друга?!

– Вот за это я и ненавижу попов. Вы все – лжецы одинаковые! Прикрываетесь якобы истиной, решаете: кого прощать, а кого нет, – на руках его, сжатых в кулаки, от напряжения побелели костяшки. – Вы считаете себя посредниками меж-

ду Богом и смертными, праведники чёртовы. А кто ты такой? Вот скажи мне! Кто ты такой? Червяк, не нюхавший пороха. Пока ты ползал на коленях и поклоны перед иконами отбивал, мы кровь свою за вас проливали! На моих глазах людям головы резали выродки, которых ты называешь «Божьими детьми»!

– Мне очень жаль, что тебе пришлось пережить такое.

– А мне нет! – он вскочил со стула, налил себе воды и осушил стакан за раз. – Я лишился иллюзий, когда мы после зачистки вернулись, а всё отделение перебито. Как ягнят перерезали пацанов. Где твой Бог был, когда я их матерям о гибели сыновей рассказывал? Потом мне уже никого не было жаль, ни их баб немых, ни потомства. Валил всех подряд при любой возможности, пока ты свои молитвы читал, святоша!

Он подошёл ко мне с явным намерением...

– Ты думаешь, что убив меня, тебе полегчает?! – я смотрел ему в глаза.

– Кровь невинного агнца покроем чужие грехи. Ты – Его овца. Так отправляйся к Нему, своему Пастырю, и скажи, чтобы Он навёл порядок в своём стаде!

Его руки замкнулись на моей шее. Отбиваться было бесполезно, единственное, что я пытался сделать задыхаясь, – это передать силу утешения. Теряя сознание, последнее, что я увидел, – лицо Наташи. Чёрная пустота поглотила всё. Я твёрдо знал, что дальше появится свет. Он не может не по-

явиться!..

Открыл глаза, лёжа на полу в своей парижской каморке.

– Слава Богу, очнулся! Прости, что я так поздно, нелегко было тебя найти. Этот город похож на муравейник, – голос Марика показался самым прекрасным на свете.

Я закашлялся, схватившись за горло, чувство было такое, что он раздавил мне кадык.

– А я, главное, и помочь ничем не могу, ни пульс пощупать, ни искусственное дыхание сделать, только и оставалось, что молиться... Слава Богу, живой! – повторял он без конца, мерцая на моих глазах, как привидение из потустороннего мира. – Твоё счастье, ойтец, что моя жена чувствует тебя за тысячи километров!

Оглянулся вокруг, кроме нас никого. Не было и аккордеона.

– Он убежал, – угадывая мои мысли подтвердил Марик. – Я напугал это чудовище до смерти! Ты в порядке?

Я молча кивнул, не в состоянии ответить.

Марик провёл по мне рукой, она прошла насквозь.

– Видишь? И на помощь не позвать, все меня воспринимают как привидение и рассыпаются кто куда. К тому же, прости, Эрик, я не знаю французского, а по нашему они не понимают.

Я улыбался ему сквозь слёзы, сам звук родного голоса исцеляет. Чтобы я делал без него? Без Агнешки, которая всё ещё слышит моё сердце...

– Эрик, ты думаешь нам было легко увидеть такое? Агнешка чуть мозг мне не расплавил! – он присел на корточки. – И сейчас рыдает...

– Всё в порядке, ребята, – просипело моё горло, – жить буду.

– И где ты только нашёл этого маньяка?!

– В метро.

– Ну да, прекрасное место для знакомства! Очередное видение?

– Нет, зов смерти.

– Лучше и не скажешь.

– Как там мои?

– Всё хорошо, не волнуйся. Все живы, здоровы, ждут тебя. Не представляю, что бы было с Наташей...

– Не говорите ей!

– Что ты! Я же не враг самому себе, а то придётся вашу светлость срочным рейсом вызывать, чтобы её откачивать. Она любит тебя, ойтец, по-настоящему любит, – он печально вздохнул после этих слов.

Мы оба знали, что Агнешка считывает информацию и в курсе наших дел. Этот вздох был красноречив, и я понял, что между ними не всё так, как хотелось бы.

– Спасибо вам! Чтобы я без вас делал?!

– Думаю, уже ничего, твой дух общался бы сейчас с Творцом.

– Обнял бы тебя, если б смог.

– Поднимайся, я должен убедиться, что с тобою всё в порядке.

Я, кряхтя и постанывая, сел на стул, на котором только что меня пытались лишить жизни. На столе лежал дневник, написанный польской девушкой, любовь которой в очередной раз спасла меня от смерти. Можно ли передать словами, что я испытывал в эти минуты?!

Марик отправился успокаивать её, могу представить, что творилось с Агнешкой.

Вновь прилетев, заворковали голубки – мои верные спутники. Чёрными бусинками глаз заглядывая в окно, ждут, когда их покормят. Жизнь продолжается. И, возможно, Владимир, наконец-то, обрёл своё долгожданное знамение, и ещё одна душа обратилась к Господу Богу.

Часть 1. Глава 7

Открыв заветную тетрадку, я отложил все занятия в этот вечер, возвращаясь к жизни благодаря Агнешке. Если бы она не почувствовала, что мне грозит опасность, если бы вовремя не отправила Марика, лежало бы сейчас это окоченевшее тело здесь на полу, ожидая, пока его обнаружат... Никогда не воздать мне ей за спасение, никогда не отблагодарить за любовь!

О том, что случилось, я старался не думать. Испытав эмоциональный шок, лучше отложить осознание произошедшего на потом, и только когда буря уляжется, начинать анализировать. Это избавляет от ошибок, помогает трезво, с холодным рассудком, взглянуть на ситуацию. Самое глупое – с пылающим разумом пытаться разобраться и принимать какие-то решения. Прежде всего, нужно заставить себя остыть. Отвлечься, не думать о том, что болит и гложет. Дать себе время. Утро всегда мудренее вечера. Как сказала бы Скарлетт О'Хара: «Я подумаю об этом завтра!»

А сейчас больше всего на свете хотелось домой, и Агнешка – часть того мира, где мне дорого всё.

«Вчера он меня покрестил. Мы заговорили о крещении, и я решилась, а он не отказался. Пришёл и сделал всё, что нужно. Теперь у меня есть Ангел-Хранитель, он стоит за пле-

чом, растерянный и даже чуть-чуть виноватый, не знаю почему. Мне его жаль, – взвалить на себя такую ношу, как я! Не позавидуешь тебе, бедный мой.

Никогда не думала, что это так здорово, просто и легко, как всё божественное. Только мы, человеки, всё любим усложнять. Может быть, для этого нас и создали, чтобы мы во всём покопались и разобрались, через всё прошли и всё испытали, а потом с полным багажом познания возвращались и держали отчёт?

Странные мысли обуревают меня последнее время. Наверное, это разговоры со святым отцом на меня так действуют. Он не любит, когда я называю его подобным образом. Хотя это совершенно искренне, я чувствую его именно таким. Но, если моего любимого сие коробит, пусть будет Добрым отцом, я могу придумать ему ещё множество имён, и каждое подойдёт. Например, Милосердный отец или Сострадательный, каковой он и есть. Почему раньше я никогда не встречала таких людей? Даже не подозревала об их существовании. И вот настал момент. Теперь без него ничего мне не нужно.

Эрик. Как трудно произнести это имя вслух! Его человеческое, земное имя, сигнал, посылаемый во вселенную, и она отзывается во мне, вибрируя каждой клеточкой тела. Сердце начинает биться с отчаянностью пойманной в силки птицы. Несчастное моё сердце! Кто впустил в тебя эту любовь?! Она никогда не оправдается и не сбудется. Я знаю это... но ничего уже не изменить.»

Перевёл дыхание, выпил воды. Горло ещё болит, глотаю с трудом. Огнём обжигают сердце Агнешкины слова. Ощущаю себя глиняным сосудом, который поставили в печь, чтобы он закалился и стал твёрдым. Пламя твоё волшебное, кто ещё способен так любить? Знаю, что ты не спишь и всё ещё прислушиваешься ко мне, страх пережитого не отпускает нас обоих. Я здесь, живой, благодаря тебе, Огненная Душа! И мне целой жизни не хватит, чтобы отблагодарить тебя, родная.

«Он убил меня, когда сказал, что любит её, его единственную. У него есть ОНА.

Какая адская боль наполнила душу! Но и это ещё не самое страшное, хуже всего то, что ради неё он решил уйти из церкви, бросить крылья к её ногам. Какие бы ни были эти ноги, разве можно ради женщины пожертвовать Богом данным?!

Я готова биться головой об стену, когда думаю об этом. Ты – сокровище Всевышнего, готов отказаться от высокого призвания?! Ради чего? Нет и не может быть достойной тебя женщины, таких в природе не существует. Мне хорошо известна бабья натура, готова поспорить, что ты тоже её узнаешь, но будет уже поздно. Обвешанный сопливыми детьми и пелёнками, как сможешь ты служить Ему? Готова разделить тебя с Совершенным, но как принять, что ты будешь

с другой?

Как же я ненавижу тебя за это! Почему ты не дал мне тогда умереть? Я бы не знала любви и не мучилась. Любая геленна огненная – ничто по сравнению с этим. Почему взял с меня обещание не накладывать на себя руки, ради чего мне это терпеть? Как же больно, Господи, как больно! Почему Ты допускаешь это или не видишь, что Твой лучший посланник собирается сбежать?! Почему не остановишь его, не избавишь от женщины, взявшей его душу в плен?

Я бы отдала его Тебе. Это бы выдержала моя душа. Я бы забыла о себе и отказалась от всего... Но знать, что у него есть женщина – невыносимо! Нет сил терпеть.»

Чуть ниже запись другим цветом авторучки.

«Только что сообщили: меня выписывают. Вовремя! Ах, как же всё вовремя, когда я больше всего нуждаюсь в лечении и в нём, меня решили выписать! Бесподобно! А дальше что? Хоть в могилу. Кому я нужна?! Зачем ты спас меня? Милосердной было бы утопить эту никчемную оболочку, освободиться от неё, тогда нет необходимости ни в одежде, ни в обуви, ни в пище, ни в крове. Нет холода, жары, нет голода и жажды. Желанный покой и небытие.

Хотя он говорит, что это не так, что там меня ждут ещё большие страдания, потому что самоубийцы застревают между мирами. Но разве может быть что-то хуже, чем жизнь

без него? Я только сейчас поняла... Господи, только бы он был! Пусть Эрик будет всегда. Только бы знать, что жив, дышит! Всё выдержу, лишь бы ведать, что он существует. Помоги мне в этом!»

Часть 1. Глава 8

Пронзительные строки впиваются в душу. Если бы она так сильно не любила, разве смогла бы почувствовать за тысячи километров грозящую мне опасность?

Верно говорят, когда Небо что-то существенное даёт человеку, оно забирает нечто взамен. Агнешка не просто одарённая, стоит ли перечислять её потери?! Марик приобрёл способность перемещаться в пространстве, но не имеет взаимности в любви. Плата неминуема, это знают все, поэтому бояться счастья, интуитивно предпочитая оставаться в тени. Но это неправильно! Отчаянно горящие души страдают вдвойне, но и живут так, как никто и никогда! Им не страшно умирать, потому что они познали глубину бытия в полной мере. Берегущие себя – теряют. Чем больше ты тратишь любви, тем больше её становится в тебе.

«И мы знаем, что так было всегда,

Что Судьбою больше любим,

Кто живет по законам другим

И кому умирать молодым...» – слова Виктора Цоя всплыли в памяти. Неужели нет другого пути? Агнешка знает это, сгорая, как свеча. Я вернулся к исследованию дневника: давалось мне это нелегко, но такова моя плата за проникновение в святая святых её души.

«Пришёл мой солнечный свет, и мир стал ярче и теплее. Призналась ему, что меня выписывают, а идти некуда.

«Кажется, я знаю как тебе помочь», – ответил он, и моё сердце подскочило от радости. Напрасно. Добрый отец начал рассказывать про монастырь, да ещё и где-то возле немецкой границы.

«Ты приобщись к жизни во Христе и обретёшь себя. Это не значит, что ты должна стать монахиней, нет, это сугубо твоё решение. Но такая жизнь укрепит, излечит душу, избавит от шатаний по ночному городу и соблазнов, от ненависти твоей тёти и безысходности.»

Я спросила: «Ты хочешь от меня избавиться? Чтобы я уехала так далеко?!»

Этот человек понятия не имеет, что значит для меня. Или знает? Может быть поэтому и хочет, чтобы я скорее о нём забыла. Чем сильнее моя любовь, тем большую дистанцию он держит между нами.

«Ты разбиваешь мне сердце... Ведь всё, что я прошу, – это хоть изредка видеть тебя!» – сказала я ему. А потом посмотрела на его губы и поняла, что отдала бы всё за одно их прикосновение, и сдуру ляпнула: «Я стану монашкой, если ты хоть раз поцелуешь меня.»

Он приблизился. Сердце подпрыгнуло, я закрыла глаза в ожидании поцелуя. И он последовал... в лоб. Разочарование в ту же минуту сменилось покоем. Я открыла глаза и посмотрела на него. Видит Бог, от Эрика исходило сия-

ние, у него особенный дар. Господь наделил его способностью утешения.

«Это единственный поцелуй, который я могу дать тебе, дитя.»

У меня земля уходит из-под ног, когда он рядом. Колдовство, похлеще того, на что я способна. Его чистую душу видно насквозь: как через кристальную гладь горного озера просматривается каждый камешек на дне. Сияющий дух не дремлет, чуткий ко всему, – вот главная его черта. Он всё пропускает через своё сердце. Где изъяны? Я ищу их и не могу найти, хоть что-то, за что можно было бы уцепиться и разлюбить. Нереальный человек, даже злость разбирает! Я копаюсь у него в мозгах, а он, преодолевая боль, позволяет мне это делать, лишь бы я ему верила. Драгоценный алмаз среди груды серых камней. Такого разве забудешь?

«Эрик» – моё сердце выстукивает это имя с каждым ударом. Что же я наделала?! Как впустила в себя эти чувства? Как теперь дальше жить? И умереть не могу, дала ему слово. Гореть мне этим синим пламенем до скончания своих дней, до последнего вздоха. Какой к чертям собачьим ещё нужен ад?! И где ещё искать рай, если он совсем рядом, но мне в него не войти?

Запрусь в монастырь, чтобы никто не мешал думать о нём. Он пообещал, что сам отвезёт меня туда, – это моё условие, он его принял. Ушёл, подавленный моей любовью, знает о ней, чувствует. Она, как кипящая смола, проедает ему ду-

шу, но наполненное светом сердце неприступно, занято раз и навсегда.

Я могла бы воздействовать на него и заполучить любой ценой, но эта проклятая любовь не позволяет мне воспользоваться своим даром. Искусить Ангела... что может быть слаще для ведьмы? Но я не смогу дышать после этого, не посмею.

– Что ты голову опустил, мой бедный друг? Досталась тебе работёнка ещё та! Крылья повесил, мысли тебе мои не нравятся. Не смотри на меня так, самой противно. Покрестил меня Добрый отец на твою Хранителя голову. Ладно, прости, я постараюсь исправиться. Поедем скоро в монастырь, там тебе будет легче среди своих. Научишь меня молиться, начнём веру постигать, а там глядишь и очистится моя скверная чёрная душонка. Никогда не думала, что вы, Ангелы, такие чувствительные. Жаль мне тебя. Ох, и намучаешься со мной, а уйти не сможешь. Повязаны мы крещением до самой смерти. Священника моего благодари, это он – Добрая Душа связал то, что вместе быть не может. Держись, хороший, может полегчает когда-нибудь. Я буду стараться, чтобы тебе не было уж чересчур стыдно за свою подопечную. Вот, и Добрый отец об этом же мечтает.

Смешнее ничего не придумаешь: я и монастырь – чёрное в белом. Хотя, чем Бог не шутит! Авось и сгожусь на что... во всяком случае, нет сейчас других вариантов. Одно радует: мы будем вместе ещё целый день, только он и я, а там хоть

в могилу живѣм, всё равно.»

Часть 1. Глава 9

А наш Париж ещё объят весной... Цветёт японская вишня, её называют, кажется, сакура. Снег из розовых лепестков ложится на тротуары, по которым спешат прохожие. Кто-то на мгновение замирает, вглядываясь в розовые облака под ногами, кто-то задирает головы кверху через усыпанные цветами ветви, разглядывая голубые небеса, а другие бездумно проходят мимо всего, даже не заметив волшебной силы красоты природы.

Привычный темп жизни возвратился на круги своя. Учёба, занятия, службы, работа по вечерам для журнала.

Церковь здесь никогда не бывает пустой. Всегда найдутся туристы, жаждущие посмотреть на необычный для них православный храм, прихожане-эмигранты из бывших стран Советского Союза, французы, нет-нет, да и заглянут поинтересоваться православной верой. Двери храма для всех открыты. Наставник верит, что скоро все католики перейдут в православие, потому что люди хотят традиционных обрядов, а не модерновых богослужений. Идея единения церквей мне близка, но она скорее не в переходе, а в слиянии христианства. Конечно, уровень всеобщего сознания для этого ещё слишком мал. Современный мир всё больше разобщает людей, чем подвигает к созиданию.

Величайшей победой уже будет то, если верхи пойдут

на сближение! Но власть имущим всегда тяжелее сделать шаг друг другу навстречу, как ни прискорбно это звучит. Скорее низы перемешаются между собою в однородную массу, чем верхушка по-братски обнимется. А до тех пор Христа и дальше будут распинать два раза в год, и дважды ждать Его рождения... Уж хотя бы о праздниках могли бы договориться?! Но у каждого своя правда и истина.

Много ран на теле Христовом, но последователи Сына Божьего всё пытаются ещё больше порвать Его тело-церковь на более мелкие кусочки, каждому хочется отобрать своё и властвовать. Оттого и расколы, а не целостность ставят своей задачей.

Опомнитесь, люди! Господь – один, а мы все Его дети. Что же постоянно мучаем и терзаем Спасителя, вместо того, чтобы объединиться и стать сильнее, исцелить нанесённые Ему раны?!

Какую руку любить сильнее – левую или правую? Они обе нужны, обе важны, обе принадлежат Богу. Так что же мы вечно делим?

Епископа мои ответы удивляли. Он замолкал, а потом, подумав, часто повторял:

«Ты необычен, сын мой... Но что-то в этом есть».

Единственное, о чём я вынужден всегда умалчивать – это о многоразовости жизни. Никто не переубедил меня в том, что я знаю, а доказать что-либо невозможно, по крайней мере, сейчас. Меня бы просто объявили еретиком и мои лю-

бимые католики, и православные. Это я понял ещё в семинарии, непримиримость этого вопроса даже не обсуждается. Любой, кто мог заикнуться об этом, вылетел бы сразу как профнепригодный, поэтому я даже не пытался раскрыть рот на эту тему. Когда-нибудь все всё поймут, и то, что сейчас за гранью фантастики, станет естественным и самым собой разумеющимся. Тогда многие найдут ответы на свои неразрешимые вопросы и увидят смысл бытия. Ну а пока, кто ищет – тот находит. Благословен Господь!

Когда-то я спросил Гусара: «Как же я смогу быть священником, имея такие знания, которые противоречат постулатам?»

«Будешь! И станешь лучшим, добрым и милосердным, потому что, зная правду, не обязательно о ней кричать налево и направо. Исполни свою миссию кротко, смиренно и терпеливо, как предписано Церковью. Главное, чтобы твоё сердце знало истину, ведь лишь тогда появляется смысл, и всё в мире обретает гармонию. Помни, что служишь Богу, а не кардиналам и епископам. Твоё сердце умеет слышать то, что не дано другим. Бережно храни и умножай свои знания, они от тебя никуда не денутся. А то, чему будут тебя обучать, принимай как одну из теорий, правильная она или нет, рассудит время и Сам Господь. Промолчи, когда надо, – это дороже множества слов. Люди сами всё поймут и во всём разберутся.»

Зачем я пишу об этом сейчас? Потому что это – моя исповедь. А в ней от Бога ничего не скроешь. Бог мне судья, и если я не прав, отвечу за это.

«Смотри, Господь, я такой, какой есть, и я весь Твой. Делай со мною всё, что пожелаешь, ибо Ты один ведаешь, что есть благо для душ наших. Уповаю на Твоё Милосердие и всецело доверяюсь тебе!..»

Весна срывает с людей маски, улыбки на лицах вспыхивают чаще, как лампочки, и становится всем светлей. Вот ребёнок, сидя в коляске, дарит радость свою всем встречным, и они отзываются и несут её дальше, становясь на капельку добрее. Воздух пропитан любовью, птицы поют, ласковое солнышко греет; первые сочно-салатовые листочки пробиваются на ветвях, трава на газонах зеленеет. Так не хочется спускаться из этого рая под землю, но приходится. И звуки музыки в переходах теперь напоминают о Владимире, болью отзываясь в сердце.

Часть 1. Глава 10

Мы говорили через интернет-программу. Любимые черты то расплывались, то вновь собирались в картинку. В движении Эрика превращалась в ветерок, скользящий мимо экрана:

– Папа, плывет! – голосок моей маленькой девочки, вечно спешащей куда-то.

Даниил сосредоточенно смотрел в экран, сидя у мамы на коленях. Счастье и боль одновременно: радость видеть моих родных и осознание того, что мы далеко друг от друга, а впереди ещё так много всего, прежде, чем я заключу их в свои объятия, расцелую, почувствую родной запах и тепло домашнего очага.

– Как ты справляешься, любимая?

– Всё хорошо, не беспокойся, родители помогают. Появилось даже время для работы. Виктор взял мою заметку для следующего номера.

– Очень рад! Важно, чтобы ты смогла вернуться к своей любимой профессии по мере возможностей и сил.

– У меня есть идея сделать цикл сюжетов о материнстве, родах, кормлении грудным молоком, по свежим событиям, пока всё, как говорится, актуально.

– Замечательная идея! Виктор одобрил?

– Говорит: «Хоть что пиши, лишь бы была счастлива!»

– Он неповторим, и очень дорожит тобою.

Наташа вздохнула и отвела глаза. Она так похорошела после родов, округлилась, в ней появилась какая-то особенная женская привлекательность.

– Девочка моя, я так соскучился!

– Я тоже, Эрик. Время тянется невыносимо долго без тебя, особенно по ночам, – она сказала это так печально, что у меня сжалось сердце.

– Данечка такой серьёзный сегодня!

– Подрос, правда?! Улыбается мне без конца... А папе улыбнёшься, сынок?!

Даня посмотрел на меня, потом на маму, и, свесив нижнюю губу, разревелся.

– Ну вот, только этого не хватало!

– Скучает по тебе... Нам всем непросто.

– Мне тоже вас не хватает, любимые, но что поделать? Как там молодожёны поживают?

– Агнешка что-то давно не появлялась, уже недели две. Только Марик заезжал. Даню с рук не спускал, просидел у нас целый вечер, сказал, что жена на работе пропадает, а ему скучно дома одному. Я заметила, его так к малышам тянет, глаза грустные, жаль мне его. Такой хороший отец бы был!

– Не жалей! Всё в руках Божьих. В конце концов есть сироты, нуждающиеся в любви и ласке.

– Ты прав, Эрик. Помнишь, как мы думали Мишеньку

усыновить! – Наташа улыбнулась. – Кто ж знал тогда, что Витя станет ему отцом!

– Пути Господни неисповедимы, родная. Как они там?

– Замечательно, Таня перестала кормить Анютку, пошла в спортзал, стала форму себе восстанавливать. Села на строжайшую диету. Говорит, чтоб Виктор на других не заглядывался.

– Ради этого бросать кормить? Анютке ещё и годика нет...

– Это её решение, в любом случае. Малышка вот-вот пойдёт. Крепко так на ногах стоит, ты бы видел! А зубки какие смешные вылезли, как у зайчика, сверху и снизу, как улыбнётся... хоть стой, хоть падай! Как жаль, что ты далеко!

– Потерпи, родная, ещё немножечко нужно подождать. Как только получу благословение, определюсь с местом, заберу вас.

– Мне будет не хватать этого дома! Наташа осмотрелась вокруг.

– Знаешь, мне пришла в голову мысль, а что если мама с папой продадут свой домик в деревне и переедут сюда? Тут, всё-таки, Виктор рядом, да и Анютку понянчат, она им как родная. Уже легче будет пережить разлуку с нами. Мишенька к ним тоже привязался, бабушкой и дедушкой зовёт.

– Конечно, любимая! Продавать этот дом я не хотел бы. Столько мы в нём уже пережили. Если родители согласны, пусть перебираются насовсем. Да и удобства у нас получше, хоть воду отцу таскать из колодца не нужно, как в деревне.

Огородик для души могут организовать, земли хоть не много, но есть. Только пусть яблоню оставят, мама её очень любила.

– Что ты, папа любит деревья, он не станет ничего убирать, разве что кустарник на заднем дворе слишком бурно разросся, места много занимает.

– Как решите, так и будет, – тоска стянула грудь, даже дышать стало трудно: как мне их всех не хватает!

«Мамочка, сколько раз ты говорила мне об этом, а я не слушал, уехал, оставил тебя одну. Каково тебе было в последние годы ждать моего приезда... Ты простила, я знаю, слишком сильно любила меня, чтобы таить обиду, но твоя печаль всё ещё жива. Теперь у тебя есть внук, да и Эрику ты бы приняла как родную, даже не сомневаюсь, полюбила бы и Мишу с Анечкой, и Агнешку с Мариком, и Виктора с Татьяной. Только нет тебя больше. Никогда не смогу я это исправить, искупить годы твоего одиночества... Я в неоплатном долгу пред тобой. Дай Бог когда-нибудь мне возможность искупить свою вину!»

– Эрик, ты слышишь? Тебе плохо?

– Прости, любимая, задумался. Мне тут идея пришла: а не запланировать ли нам твою поездку в Париж хотя бы на недельку?

– Конечно! – Наташа чуть не подпрыгнула от радости. – Мне будет легче ждать, когда буду знать, как ты там жи-

вёшь! Но я не могу поехать одна, ведь кормлю Данечку, да он и не любит ни с кем оставаться.

Наш карапуз, всё ещё серьёзный, смотрел в экран, не отрывая глаз, будто гипнотизировал меня.

– Наташенька, конечно, с детьми, я и не думал о другом.

– А вот Эрику оставлю с мамой. Мне не справиться с двумя в дороге одной. Она так разбаловалась в последнее время, никого не слушает, где только энергии столько берёт? Даже Миша с его ангельским терпением иногда завывает!

– Как скажешь, так и будет. Сегодня же начну искать вам билеты.

В этот момент Даниил, будто осознав о чём идёт речь, заулыбался так, что сердце моё оттаяло. А ожидание встречи затрепетало в груди огнём. Кажется то, что он пытался мне внушить произошло, и теперь все счастливы.

– Господи, даже не верится, что скоро смогу вас обнять!

– А я в редакции сообщу, что смогу написать о Париже! – Наташа сияла от восторга.

– Вот видишь, как хорошо! Почему мы раньше до этого не додумались?!

Билеты зарезервировал в тот же вечер на рейс через неделю. Удивительно, даже цены получились нереально низкие, то ли акция у них какая-то, то ли просто повезло?!

Учиться стало трудно, все мысли о скорой встрече... Моя французская учительница посоветовала сделать небольшой

перерыв в занятиях: «Видимо, вы переутомились, мёсьё, любому человеку нужен отдых.» Я согласился без колебаний, освободив дни, когда приедут мои родные.

По дороге купил продуктов. Руки с сетками были заняты, еле нащупал ключи, поднимаясь наверх. Возле самой двери столкнулся с Владимиром. Мы встретились глазами, он виновато потупил взгляд:

– Можем поговорить?

Часть 1. Глава 11

– Могу ли я хотя бы надеяться, что ты когда-нибудь простишь меня?

Я впустил его в дом. Он огляделся вокруг, словно страшась вновь увидеть призрак.

– Присаживайся, я рад, что ты вернулся. Где аккордеон?

– Больше не играю с тех пор, продал его, чтобы было на что пить, но деньги уже закончились.

Я машинально провёл по шее рукой, стирая воспоминания.

– Прости, если сможешь. Не знаю, что на меня нашло. Какая-то навязчивая идея была. Думал, что убью тебя, и станет легче. Да не тут-то было... хотел броситься в Сену, но как представил, что увижу Его, что скажу, как оправдуюсь? Не смог, короче. Страшно стало. И жить дальше с этим грузом не могу. Я высматривал тебя с последней надеждой у той остановки метро, и сегодня мельком увидел, понял, что ты живой, обрадовался, но не хотел пугать. Приехал сюда, чтобы ты меня выслушал. Эрик, прости! Нет сил больше, совесть замучила. Алкоголь, и тот в глотку не лезет.

Я взял его за руку и отдал ему то, что у меня лучше всего получается. Глаза Владимира просветлели, даже зрачки сузились, так, как будто он посмотрел на солнце:

– Ты – не простой священник. Я это понял, когда ду-

шил тебя. Что-то странное стало происходить со мной, словно в выжженной пустыне пошёл дождь. Сначала я подумал, это оттого, что я, наконец-то, исполнил своё предназначение. А потом услышал голос, настоящий голос Всевышнего! Он закричал, что я – убийца, предал Его любовь и встал на путь тьмы. Он приказал немедленно отпустить тебя, но ты был уже бездыханным. Твоё тело упало на пол, я схватил аккордеон и бросился бежать. Кретин! Я ведь мог поговорить с Ним, но так испугался возмездия, что бежал, пока не упал без силы прямо на асфальт, будто от Бога можно спрятаться или скрыться, – он посмотрел на свои трясущиеся руки. – Видишь, даже сейчас рассказываю, и меня всего колотит.

Я молчал, позволил ему высказаться, с интересом замечая признаки перемен. Грядущее предстало ясным. И хотя он был ещё более грязный и запущенный, в нём появился свет. Трудно это объяснить. Владимир каялся, раскрывая самые сокровенные переживания, по щекам, покрытым шрамами, скатывались скупые мужские слёзы:

– Скажи, что делать мне? Как искупить вину перед тобой?

От него воняло давно немытым телом и перегаром. Невыносимо хотелось открыть окно, но я дождался, покуда поток слов иссякнет и душа выплеснет из себя последние капли раскаяния. Поднёс руки к его голове и прочёл разрешительную молитву, отпуская все грехи. Он дрожал, огромный, сильный, словно гора, но в то же время беззащитный как ребёнок. Обняв его, успокоил.

– Я всё простил, и Бог простит. Нужно жить дальше, Володя. А зло покроют лишь добрые дела. Для начала тебе нужно привести себя в порядок, помыться, поесть и выспаться, как следует. А уж потом найти место, где тихо и светло.

– Не понимаю, о чём ты?

– При любом монастыре нужны помощники. Попросись в послушники. Полечи свою душу. А потом решишь, куда путь держать.

– Снимай с себя одежду, я постираю её. Какой у тебя размер?..

– Зачем тебе это?

– Затем, что я ставлю себя на твоё место и понимаю, в чём ты нуждаешься. А теперь иди, и не жалея воды и мыла. А я схожу кое-куда и скоро вернусь. Марик, ты чудо... – я пробубнил эту фразу невольно себе под нос, но он услышал.

– Какой Марик?

– Это неважно...

Часть 1. Глава 12

К счастью, недалеко от нас находится лавка подержанных вещей, там за небольшую плату мы с продавцом подобрали товарищу по размеру чистую одежду, не «от кутюр», конечно, но перебиться на первое время можно. А в бутики я и сам не хожу, не по карману.

Когда вернулся в квартиру, глазам своим не поверил, Владимир помылся и сидел, закутанный в полотенце, совершенно лысый как коленка.

– Что ты сделал с собой?!

– Навёл чистоту! Начинаем жить с нуля, если я правильно тебя понял.

– Правильно, – я улыбнулся, было странно видеть такие резкие в нём перемены. – Примерь, всё чистое, одежда у них проходит стерилизацию, так меня уверил продавец. Прости, вещи не новые, но добротные, я взял лучшее из того, что нашёл. Стиль не милитари, как ты любишь, но достаточно современный.

У него заблестели глаза как у ребёнка перед новогодними подарками:

– С войной покончено, я в долгу перед тобой, – он горько вздохнул. – Не знаю, как тебя благодарить!

– Надеюсь, что тебе всё подойдёт.

– Сейчас проверим.

– Подожди, сначала бельё и носки.

– Ты и об этом позаботился?!

– В моё ты просто не влезишь.

– Для меня ещё никто такого не делал...

Он скрылся за дверью душевой и через минуту вернулся в обновках.

– Теперь точно никто не узнает!

Вещи пришлись впору и были хорошего качества, брюки слегка длинноваты, он закатал их снизу, всё остальное смотрелось вполне прилично.

– Совсем другой человек!

– Спасибо!

– Носи на здоровье, сейчас поесть чего-нибудь приготовлю.

– Могу помочь?

– Конечно, если хочешь, почисти картошки.

Мы разговорились, как будто знали друг друга целую вечность. Он рассказывал о своей жизни, местами смешно, а порой очень грустно. О том, как попал во Францию, хотел поступить во Французский Иностранный легион, нужны были деньги, но по здоровью из-за старого ранения не прошёл, а вернуться домой было не на что, так и стал болтаться по ночлежкам, бродяжничать. Питался в бесплатных столовых для бедняков, на выпивку зарабатывал сам, иногда подворовывал. Кто-то надоумил попросить политическое убежище, так и сделал, история была полуправдой: уехал он

потому что его на родине не ждало ничего, кроме криминальных группировок. Немного политики, несколько фактов, и через три года ожидания он получил заветный вид на жительство и право на работу. Но идти работать уже не хотел, разучился за эти годы, бомжатский образ жизни куда проще и удобнее: днём поиграл в метро, вечером купил бутылку, выпил и спать завалился, и так по кругу день за днём.

– Почему у тебя на лице столько шрамов?

– Осколочные, ещё в первую чеченскую на мину напоролись, напарника на куски сразу, мне больше повезло, морду, правда, по кускам собирали, чудом глаза целые остались! Куда уж с такой «красотой» потом? Бабы шарахаются как от чудовища, – он ел с таким аппетитом, словно неделю голодал, вполне возможно, что так оно и было.

– Сыр будешь?

– А вино есть?

– Нет.

– Тогда не буду, сыр без вина, что день без солнца! А ты вкусно готовишь, давно такого удовольствия не получал.

– Много лет жил один, научился.

– Давай, теперь ты о себе рассказывай, а то всё я, да я...

Вечер пролетел незаметно. Между нами больше не было ни враждебности, ни страха. Владимир оказался интересным собеседником, приятным в общении. Словно это совсем другой человек.

– Разрешешь остаться? Если выйду отсюда, опять на-

жрешь. А надо бы перетерпеть. Я завтра уйду, обещаю.

— Оставайся, только у меня одна кровать.

— Я на полу, мне так даже привычнее, уже то, что под крышей, полный уют: не дует, пол сухой и сверху не капает. Что ещё нужно человеку с улицы?!

Постелил ему на пол тёплое одеяло, хотел отдать подушку, но Владимир отказался, ему так привычнее, в одежде уснул, скрутившись калачиком.

«Таким людям и тюрьма — комфортабельный отель!» — подумал я, закрывая глаза. Прочёл вечерние молитвы, под храп незваного гостя с трудом заснул. Привиделся дом, в котором когда-то жил наставник отец Язеп, а теперь расположился Юрис. Места там хватило бы на всех, но самое интересное не в этом, а в том, что во сне Владимир предстал для меня в образе монаха-францисканца.

Когда проснулся долго думал о том, чтобы это могло означать. Сосед продолжал протяжно храпеть, сотрясая тонкие стены моего жилища. Поутру юноша-индус, встретив меня на лестничной площадке, даже не поздоровался, и так странно на меня посмотрел, видимо, ему тоже не пришлось как следует отдохнуть этой ночью.

Часть 2. Глава 1

Ещё один день подошёл к концу, голова трещит от французского. Кажется, что я уже даже по-русски ничего не понимаю. Выбрался из метро, глотнул свежего воздуха, вроде бы полегчало. В небольшом скверике щебечут птицы, воробышки подбирают крошки хлеба, щедро рассыпанные детской ручонкой. Солнечные лучи пробиваются сквозь ветви цветущих деревьев, пахнет весной, несмотря на загазованность парижских улиц. По ковру из розовых лепестков, спадающих с веток сакуры, идёшь словно царь, хочется собрать их в пригоршни и подбросить вверх, чтобы, кружась, они спускались на землю снова и снова. Эрика оценила бы такой «дождик». Но я один. Некому поднимать настроение и выглядеть в глазах прохожих городским сумасшедшим неохота. Скорее бы настал день встречи, пока эта красота не отцвела окончательно!

Неожиданно меня окликнули по-польски, я оглянулся, никого. До меня дошло, что это Марик.

– И где же ты, мой юный друг?

– Тут, рядом, пан Вишневский! Потрудитесь мне объяснить, – он почти кричал мне на ухо, – что делал у вас в квартире этот злосчастный бомж, который на моих глазах чуть не лишил нас вашей драгоценной жизни?!

– Какой слог, мой дорогой, горжусь тобою! Когда ты

злишься, голос твой и в самом деле может напугать! – я рас- смеялся.

– Эрик, не заставляй меня ругаться, отвечай, ты с ума со- шёл или как?! Я заглянул к тебе, а тут это лысое чудовище, уже без гармошки, но такое же страшное, хозяйничает в ком- нате! Что, по-твоему, я мог подумать? Что тебя убили, в ко- вёр замотали и в Сене утопили?!

– Агнешка бы почувствовала, что я умер.

– Нет, я точно с вами всеми свихнусь!

Я остановился в тихом уголочке, подальше от прохожих. Человек, эмоционально говорящий сам с собой двумя раз- ными голосами выглядит по крайней мере не совсем обычно.

– Марик, не кричи, народ распугаешь! – я вытащил из кар- мана мобильный телефон, чтобы не вызывать ни у кого нездоровый интерес.

– Ойтец, потрудись объяснить!

– Отвечаю: после вашего высокого вмешательства бедола- га всё осознал и вчера пришёл покаяться, так как вид его был уже мало похож на человеческий, я дал ему возможность по- мыться, мы вместе поужинали и он остался на ночлег. Что же тут непонятного?!

– Ты спал в одной комнате с убийцей-маньяком?! Эрик, ты чокнутый.

– Я уже это слышал не раз. Не волнуйся ты так, всё под контролем.

– Да, я уже видел твой контроль! До сих пор перед глазами

стоит! Вот расскажу всё Наташе, тогда посмотрим...

– Не смей, у неё молоко пропадёт.

– Да! И это будет твоя вина, потому, что если бы этот лысый тебя тогда задушил, у неё не только молоко, а вся жизнь бы пропала!

– Ну, тише, тише, разошёлся! Лучше расскажи о вас, я так соскучился... – не знаю, как ещё можно успокоить это «привидение».

Марик шумно выдохнул, выпуская пар.

– Мне теперь всё время придётся тебя проверять! Ладно, проехали. У нас всё нормально. Агнешка работает по две смены, такое чувство, лишь бы не быть со мной. Я всё там же, хожу по супермаркету взад-вперёд и ловлю воришек. У Наташи был недавно, у твоих тоже всё спокойно.

– Агнешка нас сейчас слышит, как думаешь?

– Вряд ли, она ещё на работе, бьётся за здоровье своих любимых больных.

– Что у вас там? Рассказывай! Мне уже в прошлый раз не понравилось, как горько ты вздохнул.

– Мы оба стараемся, ойтец, видит Бог. Делаем всё, чтобы помогать и заботиться друг о друге, но разве в этом любовь?

– И в этом, в том числе, Марик. Страсть приходит и уходит, а супружество как партнёрство, зарабатывается усилиями обоих супругов. Семья – это кропотливый ежедневный труд, совместный, во имя общего блага.

– Мне так хочется, чтобы меня при этом хоть капельку

любили!

– Не унывай! Говорят, первый год всегда нелёгкий для молодожёнов, притирка друг к другу и всякое такое. Знаешь, что есть главный враг наш?

– Ну?

– Наши желания: хочу чтобы так, хочу чтобы этак, чтобы меня любили...

Вместо того, чтобы любить самому, мы начинаем скапливать обиды на других за то, что нам что-то недодали, чего-то не подарили, не сделали, не так посмотрели, не то сказали. Мелкие стёкла обид мы складываем в душу, пока она не набьётся ими доверху и не разорвёт нас изнутри. А ты отбрось свои «хочу»! Подумай о ней. Она с тобою рядом, возвращается уставшая домой, отдав всю себя людям, падает в кровать, но это же твоя постель! Она приходит к тебе, ложится с тобой! Ты чувствуешь её запах, можешь прикоснуться к её коже, поцеловать её губы... Неужели этого недостаточно, чтобы чувствовать себя счастливым?! У меня и этой возможности нет, но я счастлив уже тем, что Наташа в моей жизни существует. Марик, ты – мужчина, ты – глава семьи, помни об этом. Покажи ей не то, что ты страдаешь из-за недостатка её любви, а как счастлив тем, что она каждый день рядом, как сильно ты ею дорожишь, ничего не требуя и не прося взамен!

Он молчал. Мне очень хотелось его увидеть, но среди бела дня и проходящих мимо людей мы оба не могли себе этого

позволить.

– Я читаю её дневник. Вечная проблема Агнешки – гипертрофированное чувство вины! Она считает себя плохой, скверной, сущим воплощением ада. Называет себя нечистой, ведьмой, проклятой... Не усугубляй эти её заблуждения своими претензиями и обидами. Ты, Марик, и только ты должен доказать ей насколько она хороша! Каким счастливым делает тебя само её присутствие в жизни! Когда она поверит в это, всё изменится. А обиды и упрёки приведут только к тому, что вы расстанетесь. Мы оба понимаем, что это невозможно.

– Ты прав, ойтец, тысячу раз прав. Я – дурак. Мне есть о чём подумать!..

Больше я его не слышал. А розовые лепестки всё летят. Весенние «снежинки» танцуют, кружась под волшебным дуновением тёплого ветра в вальсе любви. Небо дарит нам счастье, но только мы решаем впустить его в себя или нет.

Часть 2. Глава 2

Владимир встретил меня радостно. В доме пахло чем-то вкусным.

– Извини, не стал уходить до твоего возвращения, не попрощавшись. Не сердись, я тут немного похозяйничал?..

– Я даже рад, что ты меня дождался. Утром не стал будить, чтобы ты хорошо выспался.

– Уже давно не чувствовал себя, как дома. Проснулся и подумал, а вдруг всё привиделось, не верится, что ты меня простил. А теперь вижу – всё взаправду! Спасибо, Господи!

– Чувство благодарности – добрый признак, можно сказать первый шаг навстречу Богу.

Он выглядел опрятно, и даже глаза стали какими-то тёплыми, этого не было в нём раньше.

– А как ты благодаришь Бога?

– Есть разные молитвы, но любимая у меня эта: «За всё тебя благодарю, мой Всемогущий, Милосердный Боже! Пусть каждый удар моего сердца будет ещё одним гимном благодарности Тебе, пусть каждая капля моей крови будет посвящена Тебе, Господи, моя душа – это единый гимн восхваления Твоего Милосердия. Я люблю Тебя, Боже, ради Тебя Самого.» Когда-то я вычитал её в дневнике святой Фаустины, с тех пор она стала и моей.

– Никогда не слышал о такой, – Владимир смотрел на ме-

ня с неподдельным интересом.

– Она польская святая, благодаря ей пришло в мир почитание Божьего Милосердия. Могу сказать честно, – это стержень моей веры, через неё я открыл для себя Иисуса. Она умерла в возрасте Христа в 33 года, перед началом Второй Мировой, предсказав всю грядущую её жестокость.

– Интересно, почему ты не выбрал святого? А именно святую?

– У меня есть и любимые святые, например: Антоний Падуанский, Франциск Ассизский, Сергей Радонежский, Николай Чудотворец, Серафим Саровский... Много прекрасных святых, католических и православных, чьи труды открывают нам кратчайший путь к Небу. Читая о них, изучая Писание, можно многое осознать и всегда есть, чему поучиться. Но Фаустина всё равно остаётся ближе всех. Её молитвы звучат в моём сердце. Во время войны Образ Милосердия, созданный при жизни монахини, был утрачен, мой дедушка рисовал его, пытаясь воссоздать по памяти. Эта икона смотрела на меня с рождения... Что может быть дороже?! Святая писала: «Если тьма объяла тебя, если отчаяние душист тебя, если слёз нет в глазах твоих, а только сердце с тайной надеждой стучит: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое» – бросься с безграничным упованием в бездну Милосердия Божия! Ибо Иисус Христос не пришёл, «чтобы судить мир, но чтобы мир спасён был через Него».

* И ещё она цитировала слова, сказанные ей Господом: «Ни

один грешник, будь он даже в самой пропасти позора, не истощит Моего милосердия, ибо, чем более от него черпают, тем более оно возрастает. Я великодушнее к грешникам, чем к праведникам, ибо ради них Я сошел на землю. Ради них Я пролил Мою кровь...»

Он задумался, а потом спросил:

– Ты знал, что я собирался сделать?

– Чувствовал.

– И всё равно привёл меня в свой дом?!

– Привёл.

– Откуда такое безумство в тебе?!

– Это называется вера, Владимир. Я доверяю Богу всего себя, жизнь и смерть в том числе. Если на то Воля Его, то так тому и быть.

Он схватился за свою голову и сжал виски:

– То была воля моя, я хотел лишить тебя жизни.

– Если бы только твоя, ты бы меня убил. Бог вёл нас друг к другу, Он знал, что будет. Поэтому тебя терзали навязчивые идеи и ты видел меня во сне, в нужное время я оказался там, где должен был быть, и мы встретились. Более того к этой встрече были готовы не только ты и я, но и дорогие мне люди... Ты получил знамение, которого так жаждала твоя душа, дабы осознать всю глубину раскаяния. Чтобы ты мог возродиться и найти своё призвание. Неужели ты этого не понял?! Тебя тянуло к священникам, но ты закрывался от них ненавистью. Тебя тянуло к Церкви, но ты не позволял

себе в неё войти. Всё, что случилось с нами – это Его воля! Ты получил, что искал...

– Как бы ты на моём месте поступил дальше?

– Я бы отправился искать монастырь, который согласится принять. Он обязательно найдётся! Там в молитвенной тишине и покое всё придёт само.

– Зачем я Богу такой?

– Какой?

– Грешник, убийца, солдафон, бродяга, вор и пьяница.

– Ты слышал когда-нибудь про Апостола Павла, величайшего из Апостолов?

– Тот, что был гонителем христиан?

– Именно. Он стал одним из лучших проповедников Христа. Подумай об этом! Когда-то ты на войне забирал жизни людские... Теперь ты можешь их спасать. Потому что точка отсчёта твоей связи с Богом находится не в прошлом и не в будущем, а сейчас, в этот самый момент, потому что только в настоящем мы можем действовать. Человек убивает своё бесценное время, когда отождествляет себя с прошлым или будущим... Потому что ни то, ни другое ему не принадлежит. Всё, чем ты владеешь, – оно сейчас. Куда ты пойдёшь? Кем ты станешь? Зависит от тебя в эту самую бесценную минуту, потому что другой у тебя может и не быть. Одно воззвание любви и упования к Господу перед смертью может спасти душу! Но не стоит рассчитывать на этот час. Он приходит всегда внезапно, и иногда у человека нет времени

и возможности даже подумать. Живи так, чтобы не страшно было прийти к Богу и посмотреть Ему в глаза.

Он всё молчал, и в душе его происходили баталии не хуже военных. Я стал накрывать на стол. А он всё сидел и смотрел в окно невидящими глазами. На подоконнике, по обыкновению, ворковали голубки, обмениваясь весенними «поцелуями». Птахи с настороженностью поглядывали в комнату через стекло на сидящего неподалёку крупного человека с побритой налысо, как у новобранца в армии, головой, решавшего глобальные проблемы войны и мира в своей собственной жизни и душе.

Ушёл он на следующий день с рассветом, попросив мой номер телефона, чтобы хоть как-то найти в случае необходимости. Я заставил его взять на дорогу имевшиеся у меня в наличии деньги и благословил. Куда он шёл, мы оба не знали, но верили, что Бог обязательно приведёт его туда, куда необходимо.

Теперь я больше не вздрагиваю от звуков музыки в подземных переходах и метро, вспоминая Владимира с теплом и светлой радостью свершившегося обращения.

* (Ин.3,17)

Часть 2. Глава 3

Я встречал их в Орли. До прилёта оставалось ещё каких-то десять минут, а сердце в груди стучало так, будто в ожидании второго пришествия. Пытался совладать с собой, чтобы не выглядеть как взволнованный мальчишка на первом свидании, но букет цветов всё равно подрагивал в руках...

«Ещё немножечко, и сожму в объятьях любимую, возьму на руки сына!» В это трудно поверить, кажется, что мегаполисы созданы для того, чтобы разлучать людей, перемешивая их в одном огромном котле большим половником судьбы. Всё время куда-то спешат люди, кто-то улетает, кто-то прилетает, кто-то встречает или провожает, и так без конца...

Подбежал какой-то смуглый мальчик, и дёрнул меня за штанину, улыбнулся во весь рот, блеснув крупными не по возрасту, белыми зубами.

Я спросил его по-французски: «Что ты хочешь, малыш?» А он только засмеялся в ответ и убежал. Забавно. Как ни странно, после такого внезапного вмешательства, стало гораздо спокойнее на душе. Мир зазвучал на высокой и чистой ноте, разливаясь соловьиной трелью. Улыбка ребёнка делает его прекрасным.

За стеклом появились первые пассажиры рейса Рига-Па-

риж. По бегущей дорожке выкатывается багаж. «Где же они? Где?» – кричит душа и секунды кажутся такими длинными. Увидел Наташу и время остановилось. Волосы рассыпаны по плечам, глаза уставшие, знакомое красное пальто. Утомлённый перелётом Даня прижался к её шее, обхватив маму ручонками. Моя Радость машет мне, увидела и на щеках вспыхнул румянец. «Девочка моя, как же я тебя люблю, родная!..» Ещё мгновение, ещё один взгляд, ещё пару шагов. И вот они в моих руках! Боже, какое блаженство! Ради этого нужно было родиться, ради этого стоит жить!

– Любимые мои, – я вдыхаю пшеничный аромат её кожи, так божественно пахнут лишь волосы моей жены. Даня, зажатый между нами, запротестовал, лишившись свободы движения. Наташины губы мягко и нежно прикасаются к моим, и я совсем забыл, где мы находимся, голова кружится как в юности, гормоны заиграли в крови.

– Счастье моё!.. – шепчем друг другу, не в силах оторваться хоть на миг.

Даня напомнил о себе, напрягшись всем телом, так что я его еле удержал, иначе бы он выскользнул из рук.

– Боже правый, как он подрос! А какой сильный стал, Богатырь наш!

Пухленькое личико растянулось в долгожданной улыбке, его заметили!

– Узнал меня, Солнышко?!

В одной руке я держал сына, другой тащил чемодан, На-

таша несла сумки полегче.

– Какой огромный аэропорт, больше нашего раз в десять! – она смотрит по сторонам, не веря глазам своим. Как ты здесь, привык уже?

– К такому разве можно привыкнуть? Расскажи лучше, как вы долетели?

– Слава Богу, всё обошлось! В начале было очень страшно, я ведь первый раз летела, и Данечка тоже...

– Начало положено, потом будет легче. Родные мои, как же я рад! – хотелось затискать обоих от нежности.

– Тебе ото всех огромные приветы, Агнешка так вообще плакала, провожая нас. Бедная девочка, тоскует...

Наташа не перестаёт меня удивлять.

– Мне тоже вас всех очень не хватает, но что поделать?

Когда мы добрались до моей каморки, она показалась мне ещё меньше, чем прежде. Хотелось раздвинуть стены руками, чтобы создать больше пространства для дорогих гостей.

– Узнаю моего священника, – Наташа любовно пробежалась глазами вокруг. Ничего лишнего, только необходимое, – она остановилась взглядом на рисунке Эрики и улыбнулась. – Сюрприз удался?

– Конечно, спасибо тебе, родная, он греет мне сердце!

– Эрика так старалась, малышка моя, как она там без нас?!

Я посадил Даню на кровать, подумав о том, что мы будем делать ночью.

– Ну и болван же я!

– Что случилось?

– Не подумал о том, где будет спать Даниил! Наташенька, устраивайтесь, отдыхайте, а я быстро, сбегаю в супермаркет, тут неподалёку, куплю кроватку и сразу вернусь! Там в холодильнике посмотри продукты, я закупился к вашему приезду, но может быть чего-то ещё не хватает?..

Кроватку нашёл, хоть выбор был и невелик, к счастью не пришлось ехать куда-то ещё. Длинная коробка, не слишком тяжёлая, но нести её не очень удобно. Уже подходя к нашей улице, услышал сзади шаги, разговор на французском с явным акцентом.

– Эй, парниша, притормози, есть разговор!

Я оглянулся, компания из трёх человек разделилась, двое с наглым видом шли ко мне навстречу, третий остался стоять, оглядываясь по сторонам.

Бежать с таким грузом бесполезно, свернуть некуда, я остановился. Мысленно обратившись к Богу, собрал себя в кулак.

Началось всё с банального:

– Сигареты не найдётся? – в руках у молодого человека поблёскивал металлический предмет.

– Сожалею, не курю.

– Правильный, значит, здоровье бережёшь? – хихикнул второй в спортивном костюме.

«Шпана везде одинаковая, в какой стране ты бы ни

был...» – подумал я, ничего ему не ответив.

– Что в коробочке тащим? Не тяжело, может помочь? – они заржали на всю улицу как три арабских скакуна.

– Это детская кроватка, господа, думаю она вам не подойдёт.

У одного как-то сразу отпал интерес, а второго зацепило.

– Ты здесь не умничай! Откуда приехал?

– Из Латвии, слышал о такой стране? – я старался говорить как можно спокойнее.

Он продолжал поигрывать откидным ножом:

– Первый раз о такой слышу. Живёшь где?

– Тут недалеко.

– Не повезло тебе, парень! Чуть-чуть не дошёл! – они приблизились ещё, с явным намерением, не обещающим ничего хорошего.

Я оглянулся, на улице, как назло, никого, словно повымерли все.

– Деньги есть? Телефон? Колечко, смотрю, на пальчике имеется золотое...

– Наличных нет, потратил на кроватку для сына, а копеечки, что остались, как-то и предлагать вам неудобно. Телефон во Франции ещё не обзавёлся. А колечко, простите, отдать не могу, оно венчальное и дорого мне. Так что извините!

– Нарываешься, я посмотрю! – он тоже огляделся вокруг, удостоверившись, что никого рядом нету, – снимай куртку, пи-

жон!

В этот момент я услышал женский смех, из нашего бара вышла компания подвыпивших людей с соседками со второго этажа.

– Мальчики, идите сюда! – закричала блондинка в нашу сторону. – Хотите развлечься? С нами весело!

– Тьфу ты, шалава! – сплюнул тот, что поигрывал ножиком. – Считай, что тебе повезло, мужик. Вали отсюда! – его глаза сверкнули как лезвие. – Может, ещё увидимся!..

Я взял коробку и спокойно, без резких движений, пошёл навстречу весёлой компании, которая, вполне возможно, спасла мне в этот вечер жизнь.

– Всё нормально, сосед? – спросила брюнетка, подставляя алые губы.

– Спасибо, всё хорошо! – ответил я, протягивая всем руку.

– Во Франции так не принято, нужен поцелуй! – женщины засмеялись.

Мужчина, приобнявший блондинку, уже лапал её:

– Крошка, ты сегодня моя, какие ещё могут быть поцелуи? Пропустите, мёсьё с коробкой! – он еле стоял на ногах, при этом не переставал пытеть сигаретой.

Они расступились. Поблагодарив, я прошёл, волоча за собой покупку. В коридоре возле двери, отдышался. Мне не хотелось портить жене этот прекрасный, первый во Франции вечер ненужными переживаниями.

Часть 2. Глава 4

Эта ночь была жаркой. Мы, словно два мышонка, боялись разбудить кота. Малыш спал чутко, и, чтобы его не разбудить, мы шептались очень тихо, сдерживая эмоции и дыхание на односпальной кровати. Нам не привыкать, в самом начале нашей совместной жизни, когда Наташа только переехала ко мне, было то же самое. Тело моей жены изменилось после родов и кормления грудью, стало ещё привлекательнее, если это вообще возможно. Как говорят, кровь с молоком. Как же это заводит! Каждое прикосновение к шёлку её нежной, гладкой кожи сводит меня с ума. Какое заблуждение, что худоба – это красиво! Нет ничего притягательнее пленительной округлости женских форм.

После этой ночи я согласен с выражением «Париж – столица любви». Этот город пронизан какими-то особыми биотоками, попадая в которые вместе с любимой забываешь обо всём. Только приезжать сюда нужно обязательно вдвоём, иначе тоска и одиночество ощущаются ещё сильнее, чем где бы то ни было.

Утром спустился в бар за свежими круассанами и горячим кофе эспрессо, к которому я пристрастился в последнее время. После бессонной ночи я просто не смог бы иначе продержаться этот день.

Сделал заказ, хозяйка улыбнулась.

– У мёсьё появилась женщина?

– Моя жена приехала на несколько дней.

– Очень рада! Вы должны показать ей Париж!

– Да, непременно, мадам.

– Знаете что, я устрою вам сегодня романтический ужин.

приготовлю блюда специально по нашим семейным рецептам, за мой счёт, разумеется.

– Благодарю, мадам, это очень щедро с Вашей стороны, и так неожиданно! Но нас трое.

– Как, уже?

– Нашему сынишке пока хватает материнского молока, но нам не с кем его оставить...

– У меня есть замечательная идея! Я позову свою племянницу, она посидит с вашим малышом, чтобы вы могли спокойно провести этот вечер. И не противьтесь, она умная девочка, вынянчила уже кучу детей, справится и с вашим. А вам просто необходимо побыть вдвоём с женой, вы ведь так долго не видели друг друга! – она улыбнулась растроганно, глаза заблестели. – С первого взгляда понятно, кто есть кто. А вы за столько времени ни разу не привели к себе никого. Поверьте, молодой человек, я не всегда была такая старая, в молодые годы многих лишала дара речи! Но любила одного единственного человека. Какой же это был мужчина! Боже мой, как я его обожала! Мишель сначала был моим клиентом, не смотрите так удивлённо, я не скрываю, кто я есть. Хотя в нашем ремесле нельзя ни от кого терять голову,

но разве сердцу прикажешь?! Мы по-настоящему полюбили друг друга...

Я слушал её признание и поражался, как внезапно преобразились черты лица нашей «железной леди», в них появилась мягкость, нерастраченная нежность и горечь невосполнимой утраты.

– Так вот, что я скажу вам, юноша, для любви и счастья нам дано очень мало времени. Не теряйте его понапрасну! Я вижу, как сияют сегодня ваши глаза. И давно наблюдаю за вами. Мне сдуру даже подумалось, что женщины Вас совсем не интересуют. Слава Богу, это не так. Не отказывайтесь от моего предложения, оно придётся вам по вкусу, подарите своей возлюбленной поистине незабываемый французский ужин в атмосфере СТАРОГО Парижа! На моей половине дома есть комната, где всё сохранилось как в прежние времена. И не думайте, там никого не бывает...

– Не знаю, как Вас и благодарить!

– Пока ещё рано говорить спасибо. Просто дайте волю своим чувствам, пусть в этот дом хоть ненадолго вернётся настоящее счастье! – она вытерла слезы, так неожиданно появившиеся в уголках глаз. – Будьте готовы к восьми, Конни я отправлю к вам пораньше, чтобы малыш к ней привык.

Я поблагодарил великодушную хозяйку, заплатил за завтрак и, взяв поднос с кофе и свежими булочками, поднялся наверх.

Наташа ещё дремала, погружённая в негу, а на моём ме-

сте уже лежал Даниил, посасывая мамину грудь, у обоих было совершенно блаженное выражение лица, я невольно залюбовался. Какое же это наслаждение просто видеть дорогих сердцу людей!

Наташа открыла глаза:

– Ты вернулся, любимый!

– Поднимайся, солнышко, а то кофе остынет.

– Чем так вкусно пахнет?! Неужели те самые знаменитые французские булочки?

– Да, поверь мне, хозяйка знает в них толк и покупает только самые лучшие.

Наташа легонько оторвала Даню от себя, тот недовольно сморщил губки, но плакать не стал, засунув в рот часть кулачка, причмокнул его вместо маминой груди. Я улыбнулся, всё это вызывает во мне умиление и неописуемую радость. Трудно представить, что в этом маленьком теле уместилась древняя душа Гусара.

Кофе и круассаны очень понравились Наташе, а когда я рассказал ей о предложении мадам, она и вовсе пришла в восторг.

– Даже не верится, что такое возможно! Какая добрая женщина!

– Мы обидим её, если откажемся от столь искреннего подарка. Да и тебе нужно немножечко отдохнуть... Как думаешь?

– Конечно, любимый, я буду только рада! Настоящий

французский ужин – это же великолепно!

– А сейчас поедem смотреть Париж! Собирайтесь, нас ждёт Эйфелева башня, Лувр, Нотр-Дам и, конечно же, жемчужина этого города, его сердце – Собор Сакре Кёр.

Часть 2. Глава 5

Мы гуляли весь день по городу, но нам удалось увидеть лишь маленькую часть местных сокровищ, и то не углубляясь в их более подробное созерцание. Сам Лувр решили посетить в другой раз, прошлись возле него, посмотрели на стеклянные пирамиды, словно инопланетные строения, выросшие среди исторической роскоши королевского двора. Погода благоприятствовала: солнечный день, не слишком жаркий, что нас вполне устраивало, ласковый ветерок. Коляска легко раскладывается, и Даня мог поспать, когда хотел. От конной статуи Людовика XIV прошлись до арки Каррузель по так называемой Исторической оси или Королевской перспективе, которая составляет ни много ни мало целых девять километров. Сады Тюильри, чуть дальше Луксорский обелиск на площади Согласия, той самой, где во время революции статую монарха сменила гигантская гильотина, и были обезглавлены Людовик XVI и Мария-Антуанетта, а позднее и сами знаменитые революционеры Дантон и Робеспьер. Елисейские поля с ещё более масштабной Триумфальной аркой на площади Шарля де Голля и до Большой современной арки Дефанс. Очарование Парижа, как и сама его история, многогранно: от времён, когда королей почитали святыми до ликования толпы на их крови и нынешнего высокотехнологичного века. Можно либо любить этот город,

либо ненавидеть, но равнодушным остаться – не получится! Впечатление от всего увиденного огромно. Эйфелеву башню, ажурные каменные кружева Нотр-Дам и прочие достопримечательности мы оставили на другие дни.

Перекусив в небольшом бистро, решили вернуться домой, чтобы хоть пару часов отдохнуть, прежде чем идти на званый ужин.

Разбудил настойчивый стук в дверь. Я вскочил, на ходу натягивая брюки, приоткрыл дверь. На пороге стояла симпатичная темнокожая девушка лет восемнадцати, выкрашенная в яркую шатенку. Она улыбнулась мне широкой искренней улыбкой и посмотрела удивлёнными глазами на мой голый торс.

– Добрый вечер, мёсьё, я немного опоздала, но вижу вы ещё не готовы. Меня зовут Конни, я племянница Маргарет, здешней хозяйки. Тётушка попросила меня присмотреть за вашим сыном.

– Добрый вечер, мадемуазель! Простите, мы заснули после долгой прогулки, мне очень неловко, не могли бы вы дать нам ещё десять минут, чтобы привести себя в порядок?

– Да, конечно, – она окинула меня заинтересованным взглядом.

Я извинился и закрыл дверь. Наташа уже была в душе, шумела вода. Даня беспокойно елозил по кровати. Поменял ему подгузник, и, взяв на руки, прижал к своей груди. Даже на пару часов не хотелось с ним расставаться. Он при-

льнул ко мне, будто тоже предчувствуя разлуку, прижал своё маленькое личико, слушал стук сердца. Связь между нами трудно передать словами. В этом ребёнке так много моей души!

Каково это — быть таким немощным, беззащитным, во всём зависимым от взрослых? Каково начать всё заново и не иметь возможности даже выразить свои мысли? Что могут маленькие дети? Заплакать или засмеяться, им не дано говорить целый год жизни, а бывает и дольше. А иначе бы они многое нам рассказали!

Иногда его глаза были совсем наивными, но моментами мне казалось, что сосредоточенный взгляд становится другим, всё понимающим, глубоким. Отцовские чувства перемешались во мне с глубоким уважением к тому, кто пришёл в этот мир. Будет ли он помнить хоть что-то о прошлом? Ответит лишь время. Ведь если память блокируют в нас, значит так и должно быть: мы ещё не готовы к многоуровневому восприятию себя и мира. Нам даётся шанс начать всё с чистого листа. Пусть будет, как решит Господь. Достаточного того, что мне дано знать, кто он; и то непросто, можно сойти с ума, если заикливаться на этом. Каждому событию свой черед и его осознанию — тоже.

— Я никогда не забуду, кем ты был для меня, родной! — мы внимательно посмотрели друг на друга. — Всё будет хорошо, я тебе обещаю!

Натали вернулась во всеоружии свежести и красоты, под-

крашенная и в вечернем платье. И когда она всё успевает?

– Эрик! Ты всё ещё голый, мы и так проспали, неудобно перед людьми. Не будет же девушка в коридоре стоять целую вечность...

– Я уже в брюках, мне только рубашку надеть и носки.

– Ты неповторим!

Повиновался «грубой» женской силе, пришлось поторопиться. Даня ни за что не хотел нас отпускать, когда пришла Конни, он, увидев незнакомое лицо, и вовсе раскричался.

– Идите, не переживайте, я знаю, как успокоить ребёнка!

– Мадемуазель, помните, мы у вашей тётушки, и если понадобится помощь, не стесняйтесь, мы рядом!

Она только улыбнулась в ответ.

Мы вышли из квартиры, Даня отчаянно орал. Наташа сжала мою руку:

– А может пойдём с ним?

– Хозяйка будет разочарована. В таких ситуациях нужно обратиться к самому надёжному источнику благодати: «Пресвятая Дева Мария, в руки Твои материнские предаю Даниила, прошу Тебя, присмотри за ним в наше отсутствие и помоги доброй девушке, согласившейся нас отпустить...»

Крик стал тише, а вскоре и вовсе прекратился. Наташа перекрестилась:

– Спасибо, Господи!

Мы ещё несколько минут простояли на лестнице, удостовераясь, что всё спокойно. Было слышно, как Конни фран-

цузскими песенками развлекает малыша. «Пусть привыкает к языку», – подумал я. Наташа улыбнулась, будто прочитав мои мысли. На ней было маленькое чёрное платье, простое, но очень изящное, подчёркивающее все её достоинства, как завещала Коко Шанель, на шее ниточка жемчуга, ни дать ни взять – образец прекрасной француженки в нашем русском понимании. «И когда она успела навести макияж и уложить волосы? Потрясающая женщина! Господи, как же мне повезло!» – я не удержался и горячо поцеловал её прежде, чем мы вошли в бар.

В зале было многолюдно, люди приходили после работы пропустить стаканчик – другой, что-нибудь перекусить и полюбоваться на здешних красоток. Все столики были заняты, у стойки стоял незнакомый бармен, соседки со второго этажа обхаживали новых кавалеров. Мы не успели растеряться, как вышла Маргарет. Она выглядела так, словно хотела всем доказать, что когда-то была сногсшибательно красива, и ей это удалось. Я сделал искренний комплимент, она его с благодарностью приняла. Представил их с Наташей.

– Вы созданы друг для друга! – её яркие губы растянулись в улыбке. – Очень рада, милая! Рядом с таким мужчиной должна быть необыкновенная женщина.

Я перевёл Наташе только первые её слова, последняя фраза меня несколько смутила.

– Пройдёмте со мной!

Через кухню мы прошли в другое крыло здания, даже

не знал, что оно тоже принадлежит ей. Небольшой уголок закрытого сада со стороны, где у меня не было окон, весь усажен цветами. Крохотная верандочка заполнена растениями.

– Мой зимний рай, – хозяйка явно гордилась своей изолированной от чужих глаз территорией, с такой любовью и вкусом обустроенной.

Лестница на второй этаж привела нас в удивительную комнату. Стол уже накрыт на двоих, букет кремовых роз в изящной хрустальной вазе, зажжённые в канделябрах свечи. Старинные напольные часы с ходом, паркет покрытый персидскими коврами. Бесчисленное количество шёлковых подушек нежных цветов на креслах и диванчике в изысканном стиле рококо и на кровати, спинки которой напоминают форму сердца. Атмосфера, достойная новобрачных из царской семьи. Дверь балкона распахнута, лучи уходящего солнца мягко освещают комнату через бежевого цвета занавес. Мы даже ахнули при виде всей этой удивительно-трогательной красоты.

– Подойдите сюда! – позвала мадам, отдернув штору. Отсюда открывался потрясающий вид в сторону Эйфелевой башни. Наташа даже потеряла дар речи, у меня тоже не нашлось больше слов, кроме одного:

– Magnifique!*

– Я хочу, чтобы вы знали, здесь мы были счастливы с любимым мною человеком, с тех пор тут никого не было. Пусть вам будет хорошо! Сейчас я принесу ужин и уеду.

– Маргарет, Вы разве не останетесь с нами?

– Это вечер на двоих. Не беспокойтесь, Эрик, я не буду скучать, сегодня меня ждёт Опера Гарнье**. Вы останетесь вдвоём, и никто не потревожит, обещаю. Насладитесь как следует предоставленной вам возможностью побыть наедине, – её улыбка с печальными глазами тронула мне душу. – Помните, время для счастья отведено так мало!..

Она вышла, а мы всё стояли у окна и не могли оторваться от созерцания заката над Парижем.

Я перевёл Наташе её слова.

– Почему она делает это для нас?

– Не знаю, солнышко, может быть потому, что впервые за многие годы почувствовала настоящую любовь?! – я, обняв мою половинку, вдыхал аромат её прекрасных волос.

– Мне как-то неловко, мы словно любовники...

– Доверься мне.

Жгучая печаль от вновь предстоящей разлуки сжимала сердце, обостряя чувства. Близость возлюбленной кружила голову. Каждое бесценное мгновение, уходя в вечность, отпечатывается своим неповторимым рисунком на полотне нашей жизни. И этот закат, и эту комнату, и этот великолепный французский ужин, нам уже не забыть никогда.

*Magnifique – (фр.) великолепно, превосходно, восхитительно.

** Опера Гарнье, то же, что Гранд-опера; – один из самых

известных и значимых театров оперы и балета в мире.

Часть 2. Глава 6

Мы вернулись за полночь, счастливые и утомлённые. Дания мирно посапывал на груди у Конни, которая тоже успела задремать.

– О, это вы? Так рано?

– Мы беспокоились, малыша пора кормить.

– Он съел целую баночку морковно-яблочного пюре.

Я перевёл Наташе, она удивилась.

– Спасибо Вам огромное! Это, наверное, в отсутствие мамы он такой большой, а как почувствует близость молока, вообще всё остальное есть отказывается.

– Это такая редкость в наше время – мать, кормящая грудью!.. Вы просто героиня!

– Для нас это естественно, что может быть лучше для ребёнка?

– О детях сейчас мало кто думает, в основном заботятся о себе, о том, чтобы не потерять красоту, не испортить фигуру.

Все дружно вздохнули.

– Мы не смогли закрыть дверь, Маргарет не нашли.

– Я знаю, где она.

– Хотелось бы поблагодарить мадам за всё, за этот чудесный вечер...

– Вам ещё представится такая возможность, мёсьё, тётуш-

ка просто влюблена в вас.

– Надеюсь, малыш не доставил Вам много хлопот, Конни?!

– Что Вы, он просто Ангел! Если вам ещё понадобится моя помощь, всегда обращайтесь, Маргарет мне позвонит!

– Вы так любезны, спасибо! Могу ли я предложить Вам деньги за хлопоты?

– Не беспокойтесь, всё уже оплачено, – она засмушалась, захлопав длинными ресницами. – За общение с таким ребёнком я сама бы заплатила! – она поцеловала Даниила и передала его в руки мамы. Почувяв близость молочной груди, малыш заволновался, пока не добрался до желаемого. Наташа села его кормить.

– Позвольте проводить?

– Я переночую сегодня у тётки, так поздно боюсь возвращаться домой. Благодарю Вас за предложение! – она собралась и быстро ушла.

Присел рядом с Наташей и долго смотрел, как Даня блаженно питается, поглаживая грудь крошечной ладошкой, стимулируя, наверное, приток молока.

Как много современных женщин отказывают себе в этом материнском счастье, как много деток растёт на искусственном питании... А ведь лучше ещё ничего не изобретено и вряд ли когда-нибудь будет придумано. Мать разделяет с ребёнком свой иммунитет и защищает его от болезней, не говоря уже об эмоциональной стороне контакта с малы-

шом. Как правильно заметила Конни, в наше время, заботясь о своей внешности и фигуре, многие молодые женщины отказываются от этого, не понимая, что таким поведением рвут важные энергетические нити, связующие мать и ребёнка, лишают себя и его радости единения.

Наташа стала ещё прекраснее в моих глазах. В округлости её женственных форм – гармония души и тела, и она воздействует на меня магически.

Как много понятий мы извратили в современном мире, внушая девушкам с малолетства тягу к нездоровой худобе, заменяя духовные ценности материальными. Соответствие общепринятым физическим стандартам заботит теперь гораздо больше, нежели моральное совершенствование и рост души. Материнство часто ставит под угрозу карьерный рост. Сам институт семьи находится на грани исчезновения. Всё больше молодых людей предпочитают жить вместе так, чтобы легче было разбежаться... Сама любовь теперь приравнивается к сексуальным отношениям, а настоящие чувства считаются чуть ли не жертвоприношением, а то и вовсе сумасшествием. Когда разочарованной и опустошённой душе становится неуютно – меняется партнёр, и всё повторяется заново, как у Данте Алигьери: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу...»

Пока мы все не осознаем полноту трагичности деградации духовного, человечество будет скатываться в бездну, беспросветную и глухую. Как-то раз я спросил отца Язепу, что та-

кое, на Ваш взгляд, ад? И он ответил мне замечательно просто: «Это жизнь без Бога». На что всё больше становится похож наш мир, удаляющийся от природы, теряющий веру и саму связь с источником бытия во вселенной? Общество потребителей, уничтожающее планету на которой живёт, ради потакания собственным амбициям и удовольствиям.

Я вдруг понял, что никогда не смог бы быть счастливым, если б не было её, моей любви, возведённой в высшую степень, – этой женщины, кормящей грудью нашего сына, её чистой, родниковой, живой души, возносящей меня к Небесам.

– Эрик! Что с тобой?

– Прости, задумался. Я очень тебя люблю!

– И я тебя... – Наташа заглянула в мои глаза: «всё ли хорошо?» – Поправь, пожалуйста, кровать, Даня уже заснул.

Мы уложили малыша и легли сами. Я ещё долго покрывал её поцелуями, не имея другой возможности выразить свою любовь, нежность и благодарность, переполняющие сердце. «Спасибо, Господи, за то, что она существует на этой земле, за то, что она со мной!..»

Как быстро пролетели эти сказочные дни! Времени оказалось слишком мало. И вот я снова один. Самолёт улетел, унося с собой моё счастье. Квартира под самым чердаком кажется теперь слишком большой, опустевшей внезапно, разорённой грабителем под названием «разлука». На полу остался маленький тряпочный медвежонок, Даня, наверняка, спе-

циально бросил его на пол, чтобы напомнить о себе. Поднимаю эту игрушку, прижимаю к губам. Она пахнет сыном: пшеницей и молоком. Помню его глаза, когда Наташа уходила на посадку, пряча от меня слёзы, а Даня, выглядывая из-за её плеча, смотрел на меня так, что сердце разрывалось от боли. Глаза его кричали: «Я так долго шёл к тебе, а ты?!»

Обещаю, что сделаю всё, чтобы мы как можно быстрее были вместе, сынок!

Часть 2. Глава 7

Вначале трудно было вернуться к нормальному ритму работы. За эти несколько дней я совершенно расслабился душой и теперь собирал себя по крупичкам, как после отпуска, чтобы влиться в рабочий ритм «студента». Продолжались усиленные занятия языком по пять-шесть часов в день, и когда моя молодая учительница видела, что мозг подопечного больше не способен воспринимать информацию, отпускала меня. И я шёл в Церковь, чтобы там наполнить разрядившуюся батарейку своей души священным огнём. Некоторые службы длятся больше трёх часов, но время там перестаёт для меня существовать. Душа наполняется светлой радостью.

Что до физической усталости, так это легко поправить крепким сном, дабы утром начать всё с начала. Главное – приблизиться к служению и чтобы семья наша объединилась как можно быстрее. Любой труд будет оплачен, а усилия, вложенные в него, вознаграждены. Бог видит, сколько мы вкладываем в то, что делаем, будь то учёба, работа или любовь...

Молиться тоже можно по-разному: читая слова, спать на ходу или с внутренним горением светить всему миру, подобно маяку. Ни одно обращение к Богу не останется

неуслышанным. Но если нет духовного огня, то и сила молитвы невелика. Важно сбалансировать в сердце пламя веры и умиротворение. Они прекрасно уживаются вместе и даже исходят одно из другого. Если ко всему этому добавить ещё кротость и послушание, доверие и милосердие – получается благодатный коктейль наполнения духа, к чему нужно стремиться всегда. Все мы разные, и у каждого есть свои неповторимые способности, которые необходимо развивать и культивировать, ибо зарытые таланты не приумножаются.

Клетки печени отличаются от клеток мозга. Но при этом все они часть одного организма. Так и мы – едины. Каждый исполняет свою, отведённую ему программу, но друг без друга не может существовать. Ибо мы связаны самой жизнью: она в нас, мы в ней.

Марик навещает меня чаще всего, чтобы успокоить Агнешку, но иногда и сам, пока её нет рядом, жаждет обсудить вопросы, как правило, касающиеся их семейной жизни. Он искренне стремится быть для неё хорошим мужем, но молодость на то и молодость, чтобы совершать ошибки. Два огня часто вспыхивают. У Агнешки недетский характер, да и Марик хочет быть мужчиной, не позволяет собою помыкать. Оба считают себя правыми и, лбом ко лбу, набивают синяки. Притирка ведь тоже необходима. Когда два камня точатся друг об друга – искры летят, зато потом их поверхность становится гладкой и взаимодополняющей, конечно,

при наличии любви. Потому что без неё, родимой, всё распадается.

Наверное мы с Наташей когда-то давно уже притёрлись настолько, что между нами царит гармония, взаимность и понимание. Этой же паре пока совсем непросто. Я даже не хочу упоминать о чувствах Агнешки ко мне, эта кровоточащая рана сочтётся в нас обоих. Но и к Марику она неравнодушна, питает страсть такую, что порой обжигает. И всё-таки, они – семья, с дикой, бешеной энергетикой, пылающая костром, который периодически приходится заливать водой благоразумия, чтобы не выгорело всё дотла.

Кто для меня эти люди? Часть меня самого, настолько неотъемлемая, вшитая под кожу огненными нитками, так, что мы напрямую зависим друг от друга, где бы ни находились и чтобы с нами не происходило.

Часто думаю, как принимает всё это Наташа? Ладно Марик, он нам как брат, но Агнешка с её неуёмной любовью?.. Мне досталась поистине удивительная женщина, непохожая на остальных, умеющая принимать всё, как есть. Ревность к Агнешке ушла, вместо неё появилось сострадание к «несчастной девочке», как она её называет, и даже любовь, подобная материнской, хотя разница в возрасте между ними не так уж и велика. Её доверие обязывает нас ему соответ-

СТВОВАТЬ.

Так один человек влияет на другого и осуществляется взаимосвязь. Жизнь – интереснейшая штука, стоит только приглядеться повнимательнее, и открывается бездна, но она не страшна и не смертоносна, а увлекательна до бесконечности, потому что каким бы умным ты ни был, всегда найдётся кто-то умнее тебя, и у него есть чему поучиться!

Часть 2. Глава 8

Я очнулся этой ночью около четырёх, вспомнив во сне о том, что колонка до конца не подготовлена и ещё не отправлена редактору, а завтра журнал уйдёт в печать.

Выпив крепкий кофе, сел писать. Глаза слипались, мозг отказывался работать, но после третьей кружки работа закипела, и я всё-таки успел к шести утра по электронной почте отослать материал Виктору. Через час он придёт на работу, и я его не разочарую. То, что мы друзья, не снимает с меня ответственности перед шефом, как начальник он практичен и требователен не только к подчинённым, но и к себе самому.

Спать уже не хотелось и я просто прилёг, закрыв глаза, чтобы они хоть немного отдохнули: день обещал быть длинным. Плавное течение мыслей вперемешку с молитвами, всё же усыпило меня. И вот я в сером огромном помещении без окон, передо мною огромный аквариум во всю стену, со всякой разной живностью. Рыбы разных цветов и форм, морские зелёные черепашки, сверху над ними «парят» медузы. По дну ползают улитки, крабы бочком так смешно передвигаются от одного укрытия до другого, над ними «порхают» креветки, быстро-быстро перебирая лапками, омары не спеша любуются своими клешнями. Эта нехитрая подводная жизнь вызывает во мне улыбку. И вдруг происходит

что-то страшное: в начале появляется небольшая трещина, но она стремительно растёт, разрастается подобно паутине и, с грохотом разрываясь, выплёскивается к моим ногам. Рыбы бьются по полу, задыхаясь без воды. Я хватаю их, но они выскальзывают из рук, снова пытаюсь поймать, а когда это получается, помещаю в сосуды с жидкостью, непонятно откуда появившиеся. Пытаюсь спасти всех, в ком ещё есть признаки жизни. Это чужой аквариум, но я очень расстроен, ведь успел их увидеть и полюбить, делаю всё, что могу, но моих усилий недостаточно. Кричу, чтобы люди пришли помочь, но никто не слышит...

Очнулся, будто вынырнул из глубины, и тут же понял, что проспал, не услышал будильника. Служба уже началась, со мною такого ещё не бывало. Даже внутренний сигнал не сработал, обычно он не подводил и поднимал меня за несколько минут до намеченного времени. Быстро одеваясь, я наткнулся на мебель, ещё толком не владея своим телом, оно было как ватное. Что-то странное происходило со мной, но я не придал этому особого смысла, переживая только о том, что опоздал. Как часто мы расстраиваемся, вместо того, чтобы благодарить Бога за всё. Если вдруг проспали или у вас внезапно сломался замок в двери, забарахлила в пути машина, радуйтесь и благодарите Всевышнего за то, что это произошло, ведь не знаете, что было бы, не случись с вами этой мелкой неприятности.

До метро я бежал: неплохая утренняя зарядка. Спускаясь

по лестнице, чуть не упал, споткнувшись на мокрой ступеньке. Секунды отсчитывали вечность, а я ничему так и не придал значения, торопясь по своим житейским делам. Внезапно, раздался хлопок, подобный раскату грома, ударной волной меня отбросило назад, пыль и едкий дым докатились чуть позже...

До меня не сразу дошло, в чём дело. Когда осознал, что это был взрыв, уже наступила полная тишина. На какое-то мгновение весь мир словно замер, не слышно было обычного гула большого города, пыль медленно опускалась вниз. Наверное, я просто оглох. Пошевелившись, проверил руки и ноги, понял, что сильно не пострадал, какие-то малозначительные ссадины и порезы, видимо, осколками зацепило. Глаза щипало, в горле першило, но к счастью, я ещё не успел до конца спуститься. Рядом на ступеньках лежали ещё какие-то люди и, приходя в себя, начинали вставать, в глазах у них было безумие, из уст раздавались стоны. Внизу всё было темно и как будто в тумане. Душераздирающие крики доносились, словно из ада, были ли это реальные звуки или потусторонние вопли душ, покинувших внезапно свои тела, а может те и другие вместе? Всё смешалось в моём сознании в одну жуткую картину произошедшего. Есть такое выражение «волосы встали дыбом», именно это я и испытывал. Поднявшись на трясущихся ногах, я прикрыл горловиной свитера нос, чтобы не наглотаться гари, и стал протискиваться вниз, когда всё живое и способное передвигаться

рвануло наверх, к выходу, на воздух... В меня врезалась какая-то девушка с залитым кровью лицом.

– Бегите, может быть повторный взрыв! – в её глазах был дикий ужас. Схватившись за перила, она волочила за собою пробитую ногу, оставляя кровавый след.

– Подождите, нужно остановить Вам кровотечение!

Но она уже не слышала, в агонии преодолевая ступеньки.

Голоса, их так много, они разрывают мне голову! На миг вспомнился разбитый аквариум. Сон в руку! Добрался до мужчины, лежащего прямо посередине прохода, спеша к выходу люди спотыкались об него и бежали дальше. Оттащил его к стене. Замутнённый взгляд, тяжело дышит, но главное – живой. В темноте не могу понять, откуда у него сочится кровь, он весь мокрый. Смерть прекратила его мучения. Стоны отовсюду, зловещее облако пыли скрывает в себе сотню узников. Ещё кого-то нащупал, глаза текут, почти ничего не вижу.

– Я могу Вам помочь?

– Нога... её нет ниже колена, – хрипло прокашлял мужской голос.

– Нужно перетянуть, иначе вы истечёте кровью!

Я освободил свой брючный ремень и как можно туже зажал ему бедро, – раненый потерял сознание.

Кто-то неподалёку произнёс имя Господа.

– Я священник, – пробираюсь к нему на четвереньках, кажется нашёл.

– Прости меня, Боже, – голос слабеет, – сожалею обо всем... – разрешительную молитву я читал уже над покойным.

«Милосердный Иисус, прими их всех, невинно убиенных...» Души мечутся полностью дезориентированные, ещё не понимают, что отделились от тел. Рыдая на коленях, я молился и говорил с ними. Наверняка это выглядело так, что я умом тронулся, но не мог иначе. Вой сирен снаружи оповестил о том, что помощь близка. Вскоре появились спасатели. Лучи пронзали ещё не осевшую после взрыва клубящуюся пыль. Чьи-то руки подхватили меня под локти.

– Вы можете идти? Выход там.

– Я не ранен, займитесь теми, кто в этом больше нуждается. Я тоже могу помочь...

– Спасибо, но Вам лучше выйти, чтобы не мешать работать профессионалам.

Мощный свет фонарей открыл взору всю чудовищную реальность случившегося: останки человеческих тел разбросаны повсюду, кто-то чудом выжил и взывал о помощи, кого-то накрыли собой отброшенные взрывной волной, кто ближе был к эпицентру. Трудно представить, что всё происходит на самом деле, а не в кошмарном сне, не в кинофильмах, к которым мы так привыкли. Здесь я бывал по несколько раз в день, станция метро, куда ещё совсем недавно мы спускались с Наташей и Даней, путешествуя по Парижу...

– Вам нужна помощь, месье!

– Нет, со мной всё в порядке.

– Позвольте помочь Вам покинуть это место, возможны обвалы, здесь небезопасно!

На этот раз я не стал сопротивляться, тошнота подступала к горлу. Свет снаружи показался чересчур ярким, резал глаза. Вся улица заполнена пожарными и медицинскими машинами, всё оцеплено, полицейские отгоняют зевак, уже целая толпа собралась за ленточным ограждением. Одного за другим выносят раненных, и я вижу того человека, которому перетянул ногу, узнал свой ремень. Вроде бы он ещё живой.

Ощущение собственной беспомощности и скорбь. Меня вырвало прямо на асфальт. Кто-то предложил пройти в машину скорой помощи для обследования, но я отказался.

– Медики нужны пострадавшим, а я – счастливчик, проспавший этим утром собственную смерть... – чувство непонятной вины терзало внутри, словно то, что я выжил, несправедливо по отношению к остальным.

Вскоре приехали телевизионщики, словно стая коршунов, начали снимать, я уносил ноги прочь, не в состоянии смотреть на всё это. Голова гудела, шатался словно пьяный; не помню как доплёлся до нашего переулка, увидел там тех самых парней, которые приставали ко мне однажды ночью, они с каким-то неподдельным страхом отступили, дав мне возможность пройти.

– Точно, Богом меченый! – донеслось мне вслед.

Брюки на мне были порваны в нескольких местах, и грязь, смешавшаяся с кровью, своей и чужой повсюду. Хозяйка, увидев меня, выронила из рук блокнот.

– Бог мой, что случилось?!

– Вы не знаете ещё? Взрыв в метро... – я почти не мог говорить.

Она помогла мне подняться по лестнице.

– Не стоит, я могу и сам... – но, видимо, переоценил свои силы: в глазах резко потемнело. Очнулся уже на кровати почти совсем голый. Маргарет обрабатывала мои многочисленные ссадины и порезы. – Не смущайтесь, Эрик, я много голых мужчин повидала на своём веку, можете мне довериться, как врачу! – она хлопотала вокруг меня, словно мать над ребёнком.

Началась рвота, видимо, сотрясение я всё-таки получил. Почти сутки Маргарет не отходила от меня, ухаживая как за тяжелобольным, коим я не являлся, но она настаивала, а мне очень нужно было чьё-то присутствие рядом, оставаться одному сейчас невыносимо.

Часть 2. Глава 9

Конни принесла по просьбе тётушки маленький телевизор в мою комнату. Они включили его, чтобы смотреть новости. По всем каналам говорили только об одном: теракт в Париже. Мне стало страшно, что Наташа может узнать об этом раньше, чем я сообщу ей о том, что жив, но никак не мог дозвониться.

Маргарет плакала каждый раз, когда видела кадры с места происшествия, вытирая слёзы бумажной салфеткой.

– Ты ведь был там и мог погибнуть, мальчик мой! Какая бессмысленность! Какая жестокость! Проклятые террористы, сами взрываются и людей губят! Гореть им в аду!

– Маргарет, не плачь, прошу тебя, слезами ничего не исправить... – я начинал нервничать, снова и снова набирая домашний номер, но в ответ были только гудки.

Я не мог ни стоять, ни сидеть, меня сразу начинало выворачивать наизнанку, единственное, что было более-менее терпимым – это лежать на кровати, обложенному подушками, так заботливо принесёнными Маргарет из той комнаты, где мы с Наташей провели волшебный вечер. Теперь казалось, что это было давно, словно в другой жизни, хотя на самом деле прошло каких-то несколько дней. Взрыв в метро разделил всё на до и после...

Маргарет сидела на стульчике возле меня, а Конни при-

строилась прямо на полу, сидя на ковре, я предлагал ей сесть, но она сказала, что так удобнее. Ей нравится слушать наши разговоры и она тоже хочет меня поддержать.

Хозяйка квартиры превратилась для меня в одно мгновение в родного, близкого человека, сострадательного и милосердного, с нерастраченной материнской нежностью в сердце, которую она выплёскивала на меня, как на родного сына.

Её пальцы всё время путались в моих волосах, поглаживая, словно ребёнка.

Как это произошло? Какая разница. Мне нужна была мать в эти тяжёлые минуты, а ей, видимо, нужен был тот, о ком можно позаботиться. Вот мы и стали друг для друга отдушиной. Конни не удивлялась тётушкиному поведению, хорошо зная её душевные порывы, и бегала, послушно исполняя все её поручения, вверх-вниз по лестнице, принося то одно, то другое. Когда в очередной раз её отправили за чем-то, Маргарет сказала:

- Славная девчушка, не правда ли?!
- Да, у тебя прекрасная племянница!
- Я забочусь о ней уже пятый год. Сестра умерла, отчим не любит девочку, он – расист, а Констанс, как ты понял, рождена от африканского папы... Так уж вышло, Бог не дал мне детей, но подарил сироту-племянницу. Она уже взрослая, но всё ещё нуждается в семье, как и прежде. Мы с нею – два одиночества, держимся друг за друга. Всё, что имею, завещаю ей.

– У тебя добрая душа!

Она вновь погладила меня по голове, даруя целебную порцию ласки. Я даже прикрыл глаза от удовольствия.

– А твои родители где, Эрик?

– Папа умер, когда мне было шестнадцать, мама несколько лет назад.

– Бедный мальчик, – она вновь смахнула слезу, – ты тоже сирота! Я сегодня всё время плачу и никак не могу остановиться... Как понять то, что произошло? Наша станция метро! Когда это происходит в Лондоне, Москве или ещё где-нибудь, конечно, жаль людей, страшно, но это далеко и тебя как бы не касается. Ты продолжаешь чувствовать себя в безопасности и не думаешь, что на каждом шагу тебя подстерегают вот такие безумцы, обвешанные взрывчаткой. Чего они добиваются, умирая?

– Они вселяют в нас страх, создают панику, а значит, страна в целом становится слабее, потому что души, объятые страхом, перестают чувствовать Бога. Это удар по вере, удар по равновесию.

Маргарет внимательно посмотрела на меня как на приведение. Даже очки на её носу поползли вверх.

– Говоришь, как кюре*! Я никогда не спрашивала, на кого ты учишься в Париже, мой мальчик?

– Скорее переучиваюсь, хочу стать православным священником.

Она тут же убрала руку с моей головы и даже привстала

со стула.

– Кем?! – она округлила глаза, словно перед ней лежало существо с другой планеты. – Никогда бы не подумала. Простите, мёсьё, а я тут со своими нежностями!..

– Маргарет, ты никак испугалась меня? Бог мой, что же такого произошло?

– Если бы я знала, что Вы – духовный человек, то не стала бы себя вести подобным образом, – она тут же отдалилась.

Я успел поймать её за руку и поцеловал пальцы, только что ласкавшие меня.

– Ты вела себя в высшей степени благородно: настоящая женщина, полная милосердия и сострадания к ближнему своему. И я так признателен тебе за внимание, доброту и заботу! – я не отпускал её ладонь, посылая силу успокоения.

Она медленно села на своё прежнее место, а меня от того, что я поднялся, сразу же замутило, пришлось лечь. Увидев, что мне плохо, она побежала за водой и пододвинула ко мне дежурный тазик.

– Что изменилось, Маргарет? Я чем-то тебя обидел? Мы снова на «Вы»?

– Ты – нет, но я всегда обходила церковь за километр. Таким как мы, не место в святом храме.

– Прости, но это неправда. Бог пришёл на Землю ради грешников, чтобы спасти погибшее. Праведники не нуждаются в спасении, они и так живут с Богом.

– При моей-то профессии... Или ты так ничего и не по-

нял?

– Святая Мария Магдалина, не пример ли тому? Кем бы ты ни была, любовь Господня открыта для всех.

Она вздохнула горько, словно боялась этого разговора, но долго его ждала. Я перестал быть для неё бедным пострадавшим ребёнком, чудом оставшимся в живых. Глаза теперь глядели настороженно, словно ожидая внезапного удара.

– «Кому многое прощается, Маргарет, тот много любит». Я не сужу тебя и никогда не судил. Потому что в человеке главное – это душа, а она у тебя золотая! Ты умеешь любить. А это я ценю в людях превыше всего.

Я положил её ладонь себе на голову.

– Ты спасла меня сегодня от одиночества и вывела из шока. Не оставляй, прошу! Я нуждаюсь в тебе! Забудь, кто я. Всё, как прежде: я – тот же твой квартирант и не изменился ни на йоту за последние несколько минут.

Она немного успокоилась. Только теперь стало понятно, зачем я приехал в Париж, почему попал именно в эту квартиру. Мысленно возблагодарив Господа Бога за Его милосердие, я осознал: эта душа важна для Него. Она осторожно прикоснулась к моим волосам, я с любовью и одобрением взглянул на неё. Мне так важно сохранить доверие этой прекрасной женщины...

*кюре – во Франции католический приходской священник.

Часть 2. Глава 10

– Вот дура старая, как же я раньше-то не поняла! – сказала она вслух, подобно кипящему чайнику выпуская из себя пар.

– Объясни, что произошло!

– Я видела, как ты отличаешься ото всех, но не смогла сложить два плюс два. Не курит, не пьёт, собранный, чистенький, опрятный, внимательный, воспитанный, спокойный и такой всегда одинокий... Даже заволновалась, уж не из этих ли ты... Потом приехала твоя жена, и я так обрадовалась, ваши глаза светились любовью.

– Ты бы ещё больше удивилась, если бы узнала, что раньше я был католическим священником.

– Из этих? – она жестом изобразила на шее колоратку.

– Да, – я улыбнулся.

– Они же не могут жениться...

– Вот потому и ушёл, не смог без неё. Мы ведь ещё со школы знакомы, учились в одном классе...

– Как же тебя угораздило в семинарию податься?!

– Не видел другого пути, это моё призвание.

– Но любовь всё же взяла верх?!

– Увидел её спустя много лет и больше не смог жить как раньше...

– Тяжёлый выбор, но хоть в чём-то я не ошиблась – любовь, настоящая любовь, ради которой пойдёшь на всё, её

так мало осталось на этом гиблом свете! – она снова достала из кармана платок. – Прости, что перебила, чувства переполняют.

– Как Вам угодно мадам, – пошутил я.

– Я, вообще-то, мадемуазель, если быть до конца откровенной, но в моём возрасте это звучит уже как-то оскорбительно, не так ли?! – она поднялась и подошла к окну. – У меня большой жизненный опыт, молодой человек, но я никогда не связывалась со священниками. Хоть верующей меня назвать трудно, но какие-то понятия всё же имеются. Негоже таким как ты, общаться с такими, как я! И мои прикосновения, должно быть, вызывают отвращение...

– Глупости! Ничто не сделает тебя грязным, если только ты сам, – мы опять возвращались к наболевшему в её душе вопросу. – Твоя доброта греет мне сердце. Я не думаю о том, кем ты была, я вижу, кто ты есть! Передо мной душа, пережившая очень много боли и страданий, милосердная, добрая, щедрая... Почему же я должен относиться к тебе плохо или предвзято? Что смущает тебя во мне? Возможно, если ты узнаешь меня, то перестанешь бояться священников? Мы же не кусаемся и никого не караем.

– Возможно, это ещё со времён инквизиции заложено в генах...

– Да, страшная страница истории. Но, знаешь, если до этого Церковь считалась неприкосновенной, безошибочной, непогрешимой, то после того, как папа Иоанн Павел Второй

покаялся за все грехи, совершённые против людей и Бога, этот барьер пал. Мы такие же люди, как все остальные и тоже можем ошибаться. Священники бывают разные, как учителя или врачи, кто-то служит по призванию, а кого-то нужно гнать в шею с такой работы и близко не подпускать к людям. Может быть, кто-то раньше обидел тебя? Если ты однажды столкнулась с грубостью или жестокостью, это не значит, что все такие же грубияны... Ты вправе найти того, кто поможет тебе, кто будет соответствовать твоим внутренним представлениям. Церковь дана для спасения, а не наказания. Это сосуд милосердия и любви Божьей. Ты восхищаешься настоящей любовью и боишься зайти в храм? Давай пойдём туда вместе, я покажу тебе, что это твой дом, и ты в нём такой же ребёнок, как и все остальные дети.

Маргарет слушала меня и чувства в её груди как волны сменяли одна другую, заставляли волноваться и вздыхать невпопад.

– Я верю тебе, мой мальчик, но таких, как ты, очень мало, – она отвела взгляд, и я понял, что когда-то что-то всё-таки произошло, какой-то конфликт с церковниками отложил горький отпечаток в её душе на всю жизнь.

«О, чужие ошибки, как трудно их исправлять!»

– Маргарет, расскажи мне, пожалуйста, кто-то тебя обидел?

– Однажды я зашла в храм, это были страшные дни, когда Мишеля, моего возлюбленного не стало. Мне было очень

плохо, настолько, что не хотелось жить. А тут прохожу мимо храма, слышу, как оттуда доносится органная музыка, меня так и потянуло взглянуть. Купила свечи, зажгла. Помолилась по-своему, как умела. Смотрю, исповедь принимают. Словно взял меня кто-то за шкуру и отвёл в исповедальню. Только то, что я услышала потом, словно обухом по голове ударило! И чем этому аббату женщины так насолили? Отыгрался он на мне, – её глаза вновь стали мокрыми и покраснели.

– Жаль, что меня там не было!

– Ты тогда ещё в подгузниках бегал! – она засмеялась сквозь слёзы.

– Ты расскажешь, что он сказал? Мне это важно!

– Он назвал меня грязной женщиной, что таким не место в церкви.

Я не поверил своим ушам.

– Может быть, в твоей исповеди не было раскаяния или ты не признавала свои грехи?.. Такого просто не может быть!

– Я сказала, что имела много мужчин, но полюбила только одного и он был женат. Искренне поведала, что раскаиваюсь во всём, кроме этой любви, потому что она – единственное святое, что было в моей жизни! – слёзы побежали ручьями.

– Прости его, Марго, ради Бога, прости! – я крепко обнял её, не зная, как ещё потушить боль. Её причинил не я, но мне почему-то было стыдно за себя, за того человека, за всех нас.

– Я простила, но осадок остался. Больше я туда не ходила никогда.

– А со мной пойдёшь? – я погладил её по руке.

– С тобой? – она лукаво улыбнулась. – Мой милый мальчик, было бы мне лет на двадцать пять меньше, я бы пошла на край света за тобой, жаль, что годы уже не те!..

Часть 2. Глава 11

Когда мне удалось дозвониться до дома, оказалось, что Наташа просто гуляла с родителями и детьми в парке. Телевизор они не включали, новости не смотрели.

- И не смотри, пожалуйста!
- Эрик, что-то случилось? Ты не договариваешь!
- Взрыв в метро. Наша станция.
- О, Боже, ты не пострадал?
- Я, нет... но много погибших и раненых.
- Ты там был?
- Недалеко. Только не волнуйся, со мной всё хорошо.

Маргарет внимательно слушала наш разговор, как будто понимала что-то по-русски. Скорее всего, просто прислушивалась к мелодии языка.

- Да, конечно, я буду осторожен. Знаю, любимая... Я тоже тебя люблю. Благослови вас Бог!..

Когда я положил трубку и облегчённо вздохнул, опускаясь на подушки, добродушная хозяйка улыбнулась:

- Теперь успокоишься?
- Да, спасибо! По крайней мере они знают, что я жив и не будут сходить с ума.
- Как ты себя чувствуешь?
- Голова болит, но это не страшно, – меня снова мутило и только лёжа я чувствовал себя более-менее ком-

фортно. Пришлось всех обзвонить и отложить учёбу. Целая неделя из жизни, для меня это была непростительная потеря, но грех жаловаться, когда родился в рубашке: другие несчастные лежат уже в земле, а те, что не умерли – по больницам. И всё же, когда занят делом, время бежит быстрее. К счастью, Марго навещала меня каждый день, взяв на себя обязанности кормилицы и сиделки. Это дарило нам возможность общения, раскрывало мне её загадочную душу, полную контрастов и ярких красок. Трудно поверить, что совсем недавно мы были друг для друга чужими людьми. Она прощала мне мои языковые ошибки и очень терпеливо поправляла, так что у меня была ещё и практика французского: совмещали полезное с приятным.

Бар она поручила Конни и наняла ей помощницу – Кати. Периодически она туда спускалась, контролируя всё ли в порядке, и, если ей что-то не нравилось, трубный голос хозяйки доносился до моего слуха через все этажи. В бизнесе у неё была поистине железная хватка, характер строгий, но справедливый, ни за что не догадаешься, что у человека добрая и нежная душа. Она привыкла добиваться в жизни всего сама и, благодаря этому цепкому качеству, выдерживала конкуренцию близлежащих баров и ресторанчиков. В её заведении всегда чисто, всегда спокойно и уютно. Разгулявшиеся клиенты, перебиравшие норму, быстро выпроваживаются. Маргарет может справиться с любым мужчиной и не терпит непочтительного отношения. Квартирантки со второго

этажа с нею в доле и под её крышей, в прямом и переносном смысле. С местными жандармами и полицейскими связи налажены, все проблемы решаются быстро. Клиенты в основном постоянные, и все уважают мадам, так что в случае необходимости станут на её сторону. Говорят, однажды была попытка её ограбить, так мужчины в мгновение ока заломили нападавшего и как следует проучили, чтоб другим неповадно было.

Но, входя в мою комнату, она словно снимала свою маску и забывала о ней, превращаясь в добрую, искреннюю и очень мудрую по-своему женщину с большим человеческим опытом. Так день за днём мы всё лучше узнавали друг друга.

– Всё-таки я неплохо разбираюсь в людях, Эрик! Я чувствовала, что ты не простой мальчик! Теперь я в этом убедилась. Конечно, ты не мог быть кем-то другим, разве что врачом или спасателем... Но ты предпочёл работать с душами, а не телами. Я же занималась и тем и другим. У меня нет детей, но в чём-то каждый мой клиент был для меня как ребёнок. Если все думают, что мужчины платят исключительно за секс, то это неправда. Все они обделённые жизнью, иначе бы не шли сюда. Кто-то нуждается в том, чтобы его выслушали, кто-то в ласке, кому-то нужны острые ощущения. Но каждый приходит за тем, чтобы его поняли. Прости, наверное, не стоит говорить с тобой об этом.

– Нет, Маргарет, я пытаюсь понять, как ты видишь этот мир. Продолжай...

– Так вот, тело и душа, они ведь взаимосвязаны, да?! Скажу тебе одно, от меня они уходили счастливыми. Потому что к каждому был индивидуальный подход. Старая школа, теперь таких нет, – она вздохнула. – Разве эти красавицы способны понять, что на сердце у их клиентов? Брось ты! Они, как заведённые куклы делают то, что посмотрели на видеокассетах срамного содержания и считают, что на этом их миссия заканчивается. Думаешь, им есть дело до того, что у мужчины останется в душе после встречи с ними?! У меня всегда была тяга заглянуть глубже. Может и правильно, тот священник не отпустил мне грехи, – она вздохнула, заправив за ухо локон упавших на лицо волос тёмно-каштанового цвета, которым предпочитала закрашивать седину. – Не отпустил, потому что я всегда относилась к своему делу с душой, без отвращения. За это меня ценили и помнят до сих пор... Я рассматривала мужчину как близкого друга, как живое и любимое существо, со своими плюсами и минусами, со своими болячками и проблемами. Часто они приходили ко мне просто поговорить по душам, а платили как за работу, потому что ни один психолог не мог им дать того, что давала я. Нужно ли в этом каяться, скажи мне? Я посвятила свою жизнь им: брошенным, непонятым, забытым, закомплексованным... тем, кого не понимали жёны, бросали любовницы. Положив руку на сердце, я ни о чём не жалею. Бог мне судья.

– Это верно, Марго, только Бог и рассудит, кто из нас лучше и чище. Знаешь, вспомнил старый анекдот: «Умерли

в один день священник и водитель автобуса и вместе пришли к воротам рая. Апостол Пётр открывает ворота и говорит шофёру: «Ты проходи первый!» Священник возмутился: «Как это так, я всю жизнь служил Богу, отдал ему всё, а этот только пьянствовал и баранку крутил». На что Апостол ответил: «Пока ты читал свои проповеди – все спали. А когда он вёл свой автобус – все молились!»

Маргарет от души рассмеялась.

– Не ожидала услышать от священника подобной шутки!

– Мы – такие же люди, как и все. Каждый относится к своему делу по-разному. Есть те, кто горит душой, а есть те, кто равнодушно плывёт по течению без особых усилий. Как в Писании: «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих.»* Ты никогда не задумывалась о том, почему Бог любит грешников, больше чем праведников?

Маргарет сняла очки, чтобы их протереть и посмотрела на меня своими карими глубокими и внимательными глазами.

– Раскаяние творит чудеса. Это живой огонь! А те, кто не имеет в нём нужды, потухает, в лучшем случае продолжает тлеть... «Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы

Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги. А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. «**

Мы оба замолчали. Марго заглядывала в самые сокровенные уголки моего сердца. А потом подошла и поцеловала меня в лоб:

– Спасибо тебе, мой мальчик! Сам Бог мне тебя послал.

* (Откровение 3:15—16)

** (Лук. 7:36—48)

Часть 2. Глава 12

С тех пор мои завтраки, обеды и ужины строжайшим образом контролировались Марго. Пока я приходил в себя после сотрясения, она приносила мне их и кормила чуть ли не с ложечки, как малое дитя. Позже, когда я стал понемногу сидеть, посылала Конни за обедом на двоих, и мы ели вместе. Я скрашивал её одиночество, она – моё. Так и повелось. Ей удалось-таки после долгих уговоров убедить меня пройти обследование головы. Сканер не показал ничего серьёзного, к счастью, на мне всё заживает, как на собаке.

– С головой шутики плохи, Эрик! Теперь можно спать спокойно!

– Я и так спал спокойно...

– Пожалей меня, пожилую женщину, моё сердце!

– И сколько ты заплатила за это?

– Деньги, мой милый мальчик, для того и созданы, чтобы их тратить! А тратить их на молодого обаятельного человека – вдвойне приятно! – она взяла меня под руку и на мгновение прижалась к плечу. Со стороны мы, наверное, выглядели как настоящие сын с матерью, выходящие из госпиталя счастливыми потому, что всё обошлось, и подозрения не подтвердились. Интересно, у меня вдруг появилась французская мать, заботливая, мудрая, ласковая и внимательная, терпеливая и очень-очень добрая. Она даже хоте-

ла снять с меня квартплату! Но я настоял на своём, пригрозив тем, что буду вынужден съехать. Все и так стали косяться на меня, словно на жиголо. Конечно, никто и представить себе не мог, что хозяйка способна на бескорыстную щедрость, не знающую границ по доброте душевной. И пусть мне, по большому счёту, всё равно, кто, что думает и говорит, я сам не мог себе позволить жить за чей-то счёт. Хоть она и не показала виду, с трудом приняв очередную плату, ей всё же было приятно, что я настоял на своём и не воспользовался её благим порывом.

Вечером мы сидели у неё на балкончике, любуясь багряным закатом, Маргарет с бокалом любимого Мерло, я – с чашечкой лавандового чая по особому рецепту мадам.

– Знаешь, я когда-то жила совсем по-другому. Копила деньги, билась за каждую монету, чтобы обрести независимость и работать самостоятельно. Но сколько бы ты ни старался, без фортуны ничего не получится. Я бы ещё долго мучилась, если бы не появился Мишель – моя первая и последняя любовь. Он купил этот дом, сделав мне бесценный подарок. Тайно искал подходящее место, чтобы я смогла не просто хорошо жить, но и обеспечивать себя. Мой мужчина занимал тогда высокий пост в правительстве, и ему было важно, чтобы наше гнёздышко находилось поблизости, но в то же время было скрыто от любопытных глаз. Когда я поняла, что люблю этого человека, все остальные перестали для ме-

ня существовать. Я жила только для него одного. Двадцать лет прошло с тех пор, как Мишеля не стало, но никто так и не занял его место в моей душе. Он вытащил меня из долгов, дал шанс жить по-другому, обеспечил мне спокойную старость...

– Что с ним случилось?

– Мишель был старше меня почти на двадцать пять лет. Но меня это нисколько не смущало. Он приезжал ко мне, измученный нервной работой и домашними скандалами: его изводила жена, жадная, алчная стерва, не гнушалась его постоянно шантажировать и доводила до бешенства. Он часто говорил, что я его единственная отдушина в этой жизни, и, если б мы не встретились, он давно бы уже умер. Я не придавала значения этим словам, считая их образными, не догадываясь о том, что у него проблемы с сердцем. Выглядел он здоровым и крепким, всегда подтянутым, улыбчивым, жизнелюбивым, ни в чём себе не отказывал, – она отпила глоток вина и прищурившись посмотрела куда-то вдаль.

Я представил, как они вдвоём проводили здесь время, наслаждаясь видом этого необыкновенно уютного уголка, где солнце, садясь за горизонт, заливает комнату бархатным тёплым светом... И Марго предстала моим очам молодой, прелестной женщиной, полной пламенных чувств и желаний. «Боже, как она была тогда красива!»

– Однажды нас кто-то предал, и журналистам удалось сделать несколько снимков, где мы целуемся на прощание,

не удивлюсь, если это его супруга и постаралась, наняв частных детективов. Вышла грязная статейка про то, как министр проводит время с проституткой. Это и сейчас скандал, а в те годы – конец всему. Эта дрянь подала на развод и хотела раздеть его до последней нитки. Мишель должен был вот-вот лишиться поста, потеряв своё влияние и авторитет, – она поставила бокал на столик и поёжилась от холода, натягивая на плечи меховую накидку. – В тот вечер он был сам не свой, страшно переживал, но даже и в этой ситуации пытался меня подбодрить. Сказал, что сразу после развода мы наконец-то поженимся, и плевать ему на всё остальное, главное, чтобы я была рядом... – слёзы застелили глаза Маргарет.

«Моя дорогая, весь мир у наших ног! Мы уедем отсюда и позабудем обо всех проблемах, – фантом высокого статного мужчины, с благородной сединой на висках, обнял её за плечи. – В тебе вся моя жизнь, радость и счастье. Пусть все отвернутся от нас, мне до них и дела нет. Ты научила меня смеяться, сделала самым счастливым! Посмотри, что я принёс», – он вытащил из внутреннего кармана пиджака плоскую продолговатую коробочку и открыл перед нею. На золотой цепочке сверкнул тёмно-красный рубин в форме сердца.

Я потёр глаза, хорошо понимая, что вижу его не внешним, а внутренним зрением.

Марго погладила заветный камень на своей груди, в карих глазах отразилась неизбежная нежность.

– Мы любили друг друга, как в последний раз, он и был

последний. Мишель умер, ещё до приезда скорой помощи, – Маргарет болезненно вздохнула. – Кажется, что он всё ещё рядом!

Я взял её за руку, она вздрогнула.

– Такие тёплые... Как должно быть надёжно и хорошо в твоих руках, Эрик!

Мы улыбнулись.

– Сейчас, я тебе его покажу, – она вышла и тут же вернулась.

В красивой рамке на фотографии я увидел подтверждение только что увиденного мной.

– Какая же ты красавица, Марго!

– Тут мне ещё нет и сорока. Тогда мы думали, что жизнь только начинается, и счастья не будет конца.

С фото на меня смотрел человек лет шестидесяти, у него были утомлённые глаза, но любовь светилась в них, как последний луч надежды. Его призрак выглядел моложе, но всё так же бережно оберегал покой своей возлюбленной.

– Сколько вы были вместе?

– Почти десять лет. Это последняя наша фотография.

– Он всё ещё здесь...

Но она словно не слышала этих слов.

– Ты чем-то напоминаешь мне Мишеля, хоть и гораздо моложе и красивее, Эрик. Наверное, способностью любить и быть любимым. Это ведь тоже большой дар, его удостаиваются не многие, – в её глазах появился взволнованный блеск.

Душа не стареет. Я видел Марго его глазами, или он воспользовался моими, не знаю. Наши губы приблизились, и в этот момент зазвонил телефон.

Видение исчезло. Маргарет вышла, а когда вернулась, нам обоим стало неловко.

– Завтра я возвращаюсь к занятиям и уже не смогу проводить с тобою столько времени...

– Я всё понимаю, мой мальчик.

Она начала убирать со стола посуду. Солнце почти скрылось за горизонтом, и стало резко холодать, я помог собрать оставшиеся приборы.

– Кто-то обещал, сходить со мной в церковь, помнишь? – я попытался разрядить атмосферу.

Маргарет загадочно улыбнулась.

Рано утром меня разбудила Конни, она обнаружила бездыханное тело своей тёти в комнате, где они были так счастливы с Мишелем.

Часть 3. Глава 1

Тихий и внезапный уход Маргарет оставил глубокий след в моей душе. Я как мог помогал Констанс с организацией похорон. Этот дом опустел, как и частица моего сердца, словно оторванная, она кровоточила глубоко за рёбрами. Проводы были скромными. Собралось человек двадцать, в основном мужчины. Если не считать соседок и Конни с Кати, других женщин не было. Это понятно и вполне оправданно. Последнее время мы проводили вместе с Марго, а в эти дни, оставшись в одиночестве, я ощутил оглушительную пустоту, вакуум, в котором не выживало ни малейшее проявление звука. Вечный холод окутал меня. Я говорил с людьми, утешал осиротевшую племянницу, но внутри была звенящая тишина, словно я всё ещё ждал её последних слов, недосказанных мне.

«Марго! Почему ты меня не разбудила? Я ведь знаю, что твоя несмелая тень приходила со мной проститься. Но ты не потревожила мой сон, не сказав мне о самом главном...»

Я уже пережил смерть родителей и ещё очень многих людей, но этот уход был особенным, возможно, своей внезапностью. Мне казалось, что у нас впереди ещё много времени. Иллюзорность всего существующего реально предстала передо мной во всём своём обличье. Нам только кажется, что

жизнь будет достаточно долгой, чтобы устать от неё. На самом же деле, эта тонкая нить может оборваться в любой миг, и самое страшное, что это может случиться не только с тобой, с этим бы ты ещё как-то смирился, но и с близкими, родными, любимыми, с теми, кто необходим тебе как воздух, как дыхание.

Недосказанное душит. От недослышанного болят уши, напрягаясь настолько сильно, что хочется кричать, лишь бы заглушить пустоту, образовавшуюся внутри.

«Маргарет, как ты глубоко вошла в моё сердце. Я и не ожидал, что так глубоко.»

– Потрясающей души женщина! – сказал мне мужчина в сером плаще, сняв с лысеющей головы шляпу.

Мы стояли на кладбище рядом, лил дождь, и капли его стекали по лицу, смешиваясь с солёными слезами. Я молча кивнул, не зная, что ещё сказать.

– Она меня спасла когда-то, – не унимался незнакомец. – Доброе сердце, покойся с миром!

Даже молиться тяжело, слова застревают в горле.

«Где вера твоя, священник?! – говорила мне совесть. – Маргарет там, где ей хорошо, в Доме Вечной Любви!»

Хочу в это верить. Не может такой милосердный человек не войти в Царствие Небесное! Сама мысль, что её больше нет рядом, и я уже никогда не услышу этого голоса, неж-

ная рука не погладит по-матерински мою голову, убивала. Во мне говорил человек, ребёнок, которого мама недавно держала за руку и вдруг ушла. Как передать это словами? Нет таких... А дождь всё шёл, умывая землю слезами. Нужно время, чтобы выйти из этого состояния, привыкнуть, отпустить.

Что поделать, так уж мы устроены: к хорошему быстро привыкаем. Трудно проститься с ним. Может поэтому я стремлюсь всю жизнь к минимализму. Мне хватает пары брюк и четыре рубашки, стакана кефира и корки чёрствого хлеба. Я могу жить просто на воде, не испытывая особых трудностей, но привязываюсь душой так сильно к тем, кого люблю, что бесконечно страдаю в их отсутствии. Эта слабость лишает меня покоя и делает уязвимым, но возможно именно благодаря ей, аз есмь.

И я плачу свою дань, прощаясь с тем, кого принял в душу.

Часть 3. Глава 2

Станцию метро отремонтировали и открыли. Впервые было трудно спуститься под землю. Тело на физическом уровне сопротивлялось, осознавая опасность. Но жизнь продолжается, и мы должны идти дальше, преодолевая боль и страх. Люди в форме с автоматами только усугубляли картину. Где-то в глубине души я понимал, что они здесь для того, чтобы охранять наш покой, но как раз его-то это зрелище не добавляло. Цветы и свечи напоминали о случившемся. Но... жизнь возвращается на круги своя, невзирая на утраты. Возобновились уроки, продолжилось служение.

По вечерам, чтобы заполнить зияющую пустоту, образовавшуюся после ухода Маргарет, я читал дневник одной замечательной польской девушки, которую любил так же сильно. Они оказались в чём-то похожи, только Марго была мудрая, а Агнешка пока ещё находилась в поиске этой самой мудрости. Неистощимая энергия бурлила в ней и клокотала, живая и раскалённая, подобная лаве в вулкане. Почему я не сгорал от её откровенных, пылких слов, написанных в этой тетрадке? Потому что передо мной всегда стояла Наташа, словно Ангел-Хранитель, мой воздух и свет, моя тихая прохлада в жаркий полдень. Воду её любви я пью как из источника в пещере Старца. Она утоляет не только жаж-

ду, она излечивает любые раны. И пусть мы сейчас далеко друг от друга, для души не существует расстояний. Только под этим водопадом любви я могу зайти к Агнешке и не сгореть дотла.

«Прошлый день, почти сутки, мы провели вместе. Он забирал меня из больницы, мы убегали от журналистов, словно дети, играющие в прятки. Впервые была в доме священника, жаль не у него, мне бы только хоть раз прикоснуться к тому, что его окружает ежедневно... Но там нас ожидала засада. Поехали к Юрису, его молодому помощнику.

Скользкий тип, озабоченный, я таких много встречала. Хотя теперь пытается жить праведно, но от одного моего взгляда чуть не расплавился, как масло на сковородке. Я имею власть над такими людьми, только они мне неинтересны. Я бы смогла ими управлять, как марионетками в кукольном театре, только какой в этом прок? Когда единственный, кто мне нужен, никогда не будет моим. Поэтому я добровольно согласилась, чтобы меня заперли в клетку, как опасное дикое животное, чтобы оно больше не приносило зла. Теперь сижу и рыдаю, потому что больше не вижу его. Мой единственный лучик света в царстве непроглядной тьмы, где ты?.. Как я пошла на это, сама не пойму. Как жить без тебя?!

Монашки добрые, тихо молятся, а у меня под рёбрами полыхает огонь, пожирающий всё на своём пути. Как я могла здесь оказаться? Каким путём, каким обманом ты убедил ме-

ня в правильности такого решения? Эрик и обман – несовместимы. Прости, мой безнадежно любимый, нет мне покоя на этом свете. И все монахини мира не отмолят моих грехов.

И пусть мне больно, как бывает только в агонии перед смертью, я готова платить эту цену за свои чувства к тебе. Ты сейчас спишь. Спишь в машине, отгоняя от себя мысли обо мне, и поцелуй, который я у тебя украдала на прощанье, ещё горит на твоих губах. Ты верен своей любви, ты мне не ответил, но я успела впрыснуть яд в твою чистую кровь. Теперь ты меня никогда не забудешь. Я буду жить занозой в твоём нежном сердце, беречь нежную гладь твоей прозрачной души.

Откуда ты взялся на мою голову?! Как тебе, такому светносному, позволили ходить по этой грешной Земле? Где ты оставил свои белые крылья? Когда я думаю о тебе, готова шагнуть в бездну, но и она не исцелит меня от любви.

Вчерашняя авария на дороге... Ты держал на руках окровавленную девушку и истово молился. А я завидовала ей, потому что нет большего блаженства, чем умереть на твоих добрых руках. Она даже не поняла, кто помогал ей. И хорошо. И не надо! Вы, все живущие, не замечайте его! Пусть только я одна буду знать о твоём совершенстве, о котором ты сам не догадываешься или просто принимаешь как данность. Есть ещё и она... Та, которую ты любишь. Эта женщина узнала твою тайну. Проклятье! Почему ты не слышишь меня?

Помню, как твоё лицо освещала Луна, безмятежный и светлый сон лёгким облаком окутывал твоё сознание. А я любовалась тобой, затаив дыхание, и боялась пошевелиться, чтобы не разбудить. Лучи касались твоего лица, и я ревновала, что не могу этого себе позволить. Как же мне хотелось прильнуть к этим губам, дотронуться до твоей кожи, расстегнуть рубашку и припасть к твоей груди, чтобы слышать стук твоего доброго сердца и навсегда благословить его! Вместилище рая в тебе, и ада – во мне. Как странно устроен этот мир! Я должна тебя люто ненавидеть, а люблю больше жизни. Даже если бы ты был моим палачом, и смерть приняла бы из твоих рук с благодарностью и любовью. Одно твоё появление уже благословило этот мир навечно. Как можно тебя не любить?

Я прижгла рану этой девчонке, и ты понял, какой огромной силой я обладаю. Ты взглянул на меня другими глазами. Мы вместе могли бы спасти людей! Я бы весь мир для тебя перевернула, но ты отказываешься, потому что боишься. В глубине души ты понимаешь, что сильно привязан ко мне, и однажды можешь сорваться...

Ты неустанно заботаешься об овцах Христовых, а ту единственную, которая готова умереть за тебя, отвёз в монастырь!

Ты уже проснулся и уезжаешь всё дальше от меня, думая о том, как бы скорее позвонить своей любимой, успеть вер-

нуться до ночи, чтобы не потревожить её. Тебе необходимо услышать её голос, чтобы поскорее избавиться от воспоминаний обо мне. Если бы ты только знал, Эрик, как легко читать твои мысли! Как легко и одновременно трудно!..

Боже правый, куда деть эту боль, раздирающую моё сердце на куски? Благословенное имя возлюбленного прожигает раскалённым железом мою душу. Эрик... Нет для меня другого рая на земле, не было и никогда не будет. Я создана в аду, и буду пылать в нём вечно, без возможности прикоснуться к тебе.»

«Ах, Агнешка... Бедный ты мой ребёнок! Если бы я только мог помочь тебе! Но нет таких средств на Земле. Нет лекарства от любви. Можно только принять её и жить с нею.»

Зачем я мучаю себя, читая всё это? Она достойна быть услышанной. Каждое слово в этой тетрадке написано кровью её души. Как бы я хотел, чтобы эта любовь, это пламя обратилось не ко мне, а к Богу, к истинному источнику любви! Вот где она бы утолила свою жажду, исцелила свои раны, наполнилась бы благодатью и умиротворением! Но эта упрямая душа сосредоточилась на мне и мучает себя, Мари-ка, всех нас. А я не знаю, как и чем ей помочь. До сих пор не знаю, с таким я ещё никогда не сталкивался.

Наши чувства с Наташей взаимны, они питают нас обоих. А здесь сплошные страдания и мука. Ради чего? Что во мне такого особенного? Я не Ангел, обычный смертный, которо-

му точно так же, как и всем остальным, приходится преодолевать собственную слабость, грехи и искушения. Мне всего лишь хочется быть полезным, вот и всё. Что же ты напридумывала себе, родная? Зачем поместила меня на пьедестал? Почему не видишь, как совершенен Господь, только Он один достоин таких признаний...»

Читаю дальше и сердце болит в груди:

«У меня впереди целая жизнь, чтобы замаливать свои грехи. Все, кроме одного: этот украденный поцелуй я никому не отдам, ты уж прости, он слишком дорог мне, чтобы в нём раскаяться. Я заберу его с собой и после смерти. Если плата за него – вечное пламя, я готова принять её и заплатить».

Вспоминаю, как ты надевал рубашку, которую я выбрала для тебя. Старую я сумела незаметно спрятать, чтобы забрать с собой, потому что, кроме чужой крови, на ней твой запах, тепло твоей кожи.

Ты вытирался влажными салфетками, стесняясь моих взглядов, как нетронутый шестнадцатилетний мальчик. Было ли у тебя вообще что-то? Как смею я даже думать об этом?! Нет, всё правильно, я не достойна тебя, и ты всегда будешь солнцем на небе, до которого не долететь, не дотянуться.

Горе мне, проклятой. Не вырваться из этой клетки! Монастырь – это полбеды, не придумали ещё таких решёток, что удержали бы меня, но не справиться с клеткой, в которую

ты поместил мою душу, лишив доступа к тебе. Твоё сердце занято.

Хотелось бы мне хоть раз взглянуть на ту, что завладела тобой. Испепелить её взглядом? Уничтожить?! Но разве я смогу причинить вред тому, кого ты любишь больше всего на свете? Сделать тебя несчастным? Лучше самой умереть.

Вот поэтому я здесь, где даже стены пропитаны молитвами и ладаном. Лежу на кровати, где до меня умерло не одно поколение монашек, и думаю о том, как дальше жить. Всё правильно, зверь должен сидеть в клетке, чтобы больше никому не причинить зла.

Будь счастлив, любимый! Езжай с Богом, и звони своей женщине, она ждёт. Когда твоё сердце радостно забьётся, может, и моему станет капельку легче. Ничего не могу с этим поделать. Только живи! Я буду терпеть всё, лишь бы ты дышал, любил и делал этот мир добрей и чище своим присутствием в нём! Иначе всё теряет смысл.»

Часть 3. Глава 3

«Любовь измеряется мерой прощения,
привязанность – болью прощания,
а ненависть – силой того отвращения,
с которым ты помнишь свои обещания.»
Владимир Леви.

Зализывая раны после взрыва в метро и смерти Марго, я не заметил, как углубился в изучение того, что приносило мне не меньшую боль, но обладало живительной силой, энергией любви, а значит, самой жизнью. Агнешка вытаскивала меня из тоски и отвлекала мысли на себя. И это было лучшее, что я мог в те дни предпринять.

«Молитвы и работа, дни собираются в недели, недели в месяцы. Твоё фото стоит на столике, когда я остаюсь одна, и смотрит на меня усталыми глазами. Помню, как выпрашивала у тебя этот снимок, чтобы время не стёрло любимые черты... Если бы ты видел меня сейчас, Добрый отец, ты бы, наверное, гордился мной. Я послушна, исполнительна и молчалива. Без надобности просто не открываю рта. Поняла, что такое послушание, как ни странно, это меня сейчас устраивает. Наставницы справедливы, никто не позволяет себе унижать моё человеческое достоинство. Никто не спрашивает

о прошлом. Так и жизнь пройдёт в тишине и благословенном покое. Я написала «покой»?! Верно, я на самом деле стала меняться. И так как ты – единственный мой собеседник, пишу тебе всё, о чём думаю. Заглядывая в твои глаза, спрашиваю себя, всё ли хорошо?.. Наверняка, потому что не слышу от тебя каких-либо тревожных сигналов. Значит, служишь, по-прежнему мечтая о своей возлюбленной. Знаешь, я даже молилась за неё, честно! Матушка сказала, что я должна молиться за тех, о ком думать всего больше. Мысли о тебе дарят мне, несмотря ни на что, блаженство, ровно до тех пор, пока я не представлю вас с нею вместе. Вот тогда моя душа вскипает. Помогут ли молитвы? Поживём, увидим...

Прошу Бога о том, чтобы твоя избранница была достойна тебя и сделала счастливым. Это – единственное, что утешает. Какая она? Ты никогда не рассказывал, избегал этой темы, стараясь не причинять мне страданий. Как жаль, что у нас было так мало времени, и какой же я была безмозглой курицей, когда поначалу отворачивалась от тебя и молчала день за днём несколько недель! Сколько потеряно возможностей узнать тебя?! Никогда себе этого не прощу. А теперь впереди только белые стены монастыря, за ними я похороню себя заживо, потому что нет у меня другого пути.

Стоит только выбраться на свободу, как я немедленно разыщу тебя и больше не смогу оставить до самой смерти. Я буду бродить рядом, как беспризорная собака, пока ты не сжалишься и не приютишь меня. Хочу ли я этого? О, да!

Я отдала бы всё, чтобы быть твоей любимицей, лежать у твоих ног, заглядывая в обожаемые глаза с немой молчаливой любовью и преданностью. Я бы загрызла за тебя кого угодно и даже смирилась с присутствием этой женщины, лишь бы ты был рядом! Совсем с ума схожу... Завтра снова вставать с рассветом и трудиться на кухне, тяжёлые кастрюли таскать. Накормить тридцать человек, шутка ли?... А я, как новенькая, всегда на самой тяжёлой работе, но не ропщу. Мне даже в удовольствие уставать, тогда легче заснуть, меньше думаешь, и нет сил рыдать в подушку, в которую я спрятала твою окровавленную рубашку, чтобы никто не нашёл.

Дура, какая же я всё-таки беспросветная дура! Живу так, будто у нас ещё всё впереди, отказываясь признать, что это невозможно. Жаль, что рабство отменили. Я бы согласилась и на это. Всё, что угодно, лишь бы видеть тебя и знать, что ты в порядке, что тебе ничего не угрожает, любоваться твоей улыбкой... Может, и мне доставалась бы хоть капля твоего тепла и участия. Ты ведь Добрый отец, и не можешь пройти мимо страдающего сердца.

Меня опять понесло. Мысли о побеге не оставляют, но кем я буду, если повешу тебе на шею сам факт моего присутствия?! Твоя любимая никогда не примет меня. А может быть, ты ещё передумаешь и останешься в церкви? Тогда всё было бы гораздо проще. Я стала б самой набожной и неприметной прихожанкой в мире!.. Но ты упрям, Добрый отец, и не отступишься от своей любви.

Вчера наставница дала мне чётки, привезённые из Иерусалима, и сказала, что это мой спасательный круг. Они, и вправду, очень сильные, настолько, что обжигают пальцы, когда молюсь. Конечно, этого никто не видит, это чувствую только я. Ведьма, читающая Розарий! Инквизиторы пусть перевернутся во гробах вместе со всеми демонами ада! Я буду такой, какой ты захочешь, буду самой смиренной и покорной тенью твоей. Только бы увидеться, ещё хоть раз, Эрик, хотя бы на короткое мгновение! Опять одно и то же, о чём бы я ни думала, так или иначе, возвращаюсь к тебе...»

Остановился на этом месте, перевёл дыхание. Что я могу сделать для неё? Чем помочь? Какими словами утешить? Одно понятно, что планы и мысли Агнешки материализовались: ей удалось войти в нашу жизнь, стать неотъемлемой частью семьи. Пусть будет так, только бы удалось и дальше сдерживать её пыл.

Наташа на фоне этого огня кажется белым ангелом с левыми крыльями. Теперь ты знаешь, что моя любимая приняла тебя и даже полюбила как родную. Мечты сбываются, а может быть молитвы исполняют их?! Нужно спросить, где сейчас эти чётки, и хоть раз прикоснуться к ним.

Часы пробили полночь, настало время писать для журнала. Тему я долго не искал: «Безответная любовь. Как жить с нею?»

Часть 3. Глава 4

Среди ночи раздался звонок. Вздрыгнул, только что задремал, закончив статью, пришлось вставать. На часах три ночи, наверное, что-то случилось. Поднял трубку, там голос Агнешки:

– Прости, что потревожила, уже спал?
– Ничего страшного, рассказывай!
– Мне нужно увидеть тебя! Со мной что-то происходит, я задыхаюсь... – она, действительно, тяжело дышала.

– Ты заболела?
– Да, давно и неизлечимо. Ты же знаешь. Ты всё читал.
– Ещё не всё, но знаю.
– Позволь мне приехать, хотя бы на день!
– Только с Мариком, Агнешка.
– Боишься меня, до сих пор не доверяешь?!
– Дело не в доверии, я думаю о наших близких...

Ощущаю, как её стискивает тоска, чёрная, смертельная, глухая. Сердце бьётся в сгущающихся сумерках, как птица, вокруг которой сжимается пространство, ещё немного и тьма поглотит её.

– Скажи мне что-нибудь, не молчи!

Вздых на другом конце красноречивее всяких слов.

– У нас сейчас не лучший период, чтобы куда-то ехать вместе, – наконец выдавливает она из себя.

– Тем более! Разберусь с вами обоими.

– Будь по-твоему, – она, как астматик во время приступа удушья, глотает воздух короткими резкими вдохами.

– Агнешка, тебе плохо, возможно, лучше обратиться к доктору?..

– Мне нужен ты, а не лекарства! – а дальше только гудки.

Сон безвозвратно потерян, и я вновь хватаюсь за тетрадку, как эскулап за историю болезни, чтобы найти правильное решение. Слава Богу, что есть дневник, иначе мне бы вовек не разобраться в этой бушующей страстями душе.

«После молебна как-то раз перемывала за всеми посуду. Ноги отваливались, спина болела, но я не ныла: всё правильно, всё так, как надо, если б было проще, я бы с ума сошла от тоски. Так вот, тарелки уже подходили к концу, когда вошла сестра Эльжбета и, посмотрев на меня, сказала: «Агнешка, дитя, на тебе лица нет, ты верно очень устала, я домою оставшееся».

Я с благодарностью уступила ей место и села на скамью передохнуть. Она тихо напевала во время работы, это меня успокаивало, стало клонить в сон, чтобы скорее закончить уборку, я протирала уже чистые столовые приборы. Как вдруг Эльжбета вскрикнула, из пенного таза с водой появилась её рука вся в крови.

«Кажется, я напоролась на нож», – сказала она, побледнев. Рана была глубокая и не в хорошем месте, а между боль-

шим пальцем и кистью руки. Не знаю, кому ума хватило бросить нож в общий таз, и было ли это умышленно, но только я могла порезаться точно так же, если бы не добрая монашка. Факт остаётся фактом: это случилось. Женщина побледнела и от обильного потока крови чуть не потеряла сознание. Я успела её подхватить, взяла пораненную руку и сделала то, что умею. Вскоре кровь остановилась. Я продолжала обдывать рубец, как это делают мамы маленьким детям. Эльжбета смотрела на меня огромными от удивления глазами: «Как у тебя это получилось?!»

Пожала в ответ плечами, ведь и на самом деле не знаю, как это происходит, просто хочется помочь и всё случается так. Пожелай я человеку зла и ему не позавидуешь.

«Пресвятая Богоматерь, заступница наша и владычица, да пребудет с тобой, Агнешка!» – только и смогла сказать она, а затем убежала.

С этого самого дня монахини стали ко мне относиться иначе: не лучше, не хуже, по-разному. Кто-то откровенно побаиваясь, кто-то, наоборот, с интересом. Зашла матушка и сказала, что знает о происшедшем на кухне с Эльжбетой.

– Покажи мне свои руки, Агнешка!

Я протянула ладони. Она долго их рассматривала, словно хиромант, читающий по линиям судьбы, что ждёт меня впереди.

– И давно это с тобою?

– Что именно, матушка-настоятельница?

– Твоё умение исцелять.

– Не знаю, я им почти никогда не пользовалась. Скорее приходилось защищаться, чем кому-то помогать.

– Используй свой дар только во благо ближних, дитя, и только так! – она перекрестила меня и ушла, погружённая в размышления. Нравится мне эта старушка: сердце у неё чистое и одарённость духовная велика.

С тех пор все стали ко мне приходиться со своими проблемами, кто руку обожжёт, кому в боку заколет, а мне приятно помогать, оказывается, это такая радость видеть, как лицо человека проясняется, избавляясь от страдания. Силы от этого только прибавляются. Теперь я стала подумывать о том, что и в миру нашла бы себе применение, даже необязательно, чтобы больные понимали от кого идёт помощь, если постараться, то можно сделать это и незаметно.

Стоит подумать о свободе, как тут же возникает твой образ, пленительный и живой. Мне всё труднее успокаивать свою душу. Она рвётся, как психически больной со связанными руками на волю. Что-то должно случиться! Вот уже несколько дней меня обволакивает предчувствие смерти кого-то бесконечно дорогого тебе. Это не ты, точно, иначе бы я уже бежала к тебе навстречу, а не писала в келье это послание. Неужели с ней что-то произойдёт? Твоя возлюбленная?.. Да, это она. Я поняла только сейчас. И ты ничем не можешь. Так Бог вернёт тебя для служения и больше ничто не собьёт тебя с верного пути. Я не должна встречать, на всё

Его воля.

Мне нельзя браться за это. Судьбы не меняют. Но что это?! Твой вопль сотрясает Небеса. Бедный мой, как же тебе больно! Нет, я не могу выносить твоё отчаяние и оставаться безучастной! Я нужна тебе, нужна именно сейчас, как никогда раньше, и что-то подсказывает мне, что вместе мы сможем справиться. Если бы мы только могли быть вместе, сколько бы чудес сотворили... Опять я о своём, прости!

Взяла в руки чётки и молилась на коленях до самого рассвета, обжигая пальцы невидимым огнём. Мне плевать, как это больно, по сравнению с тем, что испытываешь ты, это мелочь. Лишь под утро упала на кровать совершенно без сил. Сёстры подумали, что я заболела, увидев моё пылающее лицо и измождённый вид. Я не стала их переубеждать. Матушка вызвала врача, он прописал жаропонижающие, но мне они не нужны. Горю я от того, что разделяю твою боль. Пусть никто не знает, что так бывает. Лежу теперь в постели, и у меня есть возможность подключаться к тебе и помогать. Мы остановили точку перехода. Её душа не тут и не там, а где-то между мирами. Это кома. Я вижу, что время перестало существовать для неё. «Наташа» – вот как её зовут. Будто я там и вижу всё, что происходит. Эрик, как страшно смотреть на тебя в эти минуты, согнутого в три погибели, смиренного, но непобеждённого. Ты готов умереть за неё, и отдаёшь

всё. Нет, я никогда не смогу причинить тебе такую боль. Она пришла не от меня, любимый. Мужайся, Добрый отец! Ты не один, я здесь, рядом, вместе мы справимся и вернём её. Пусть живёт, пусть будет твоей, лишь бы ты не страдал так, ненаглядный мой...»

Третьи сутки лежу, прикованная к постели. Сёстры всё чаще заходят, беспокоясь, чем совершенно меня достали! Приходится постоянно переключаться, чтобы в сотый раз сказать, что мне лучше. Может, хоть этой ночью оставят в покое?!

Свершилось! Мы сделали это! Упрямый священник, тебе вернули её в награду. Теперь вы будете вместе всегда. Я рада за тебя и убита. Монастырь, вот всё, что ждёт меня теперь. Нужно забыть о вас. Жар спал, будто и не было его вовсе. Но на ногах ещё не стою, тело словно выгорело внутри, иссохло. Совсем нет сил. Душа истерзана. Прощай, мой Эрик! Будь счастлив.»

Я не знал, что она сделала это для нас, я чувствовал поддержку, но не ведал, откуда исходит помощь... Агнешка, чудо ты моё, как же помочь тебе, родная?! Ты поделила со мной столько бед. А сколько раз ты спасала меня?! Чувствую себя бесконечно жестоким и неблагодарным, но что поделать? Умер бы за тебя, но это никому не поможет. Наша

духовная связь непрерывна, и в этом твоя заслуга. Где-то же выход есть? Его не может не быть. Прости меня, мой верный друг!...

Часть 3. Глава 5

Вечером возвращался с занятий домой, и внезапно сердце так радостно забилося в груди, я почувствовал, что они уже здесь, мои родные, любимые люди! Пробегая мимо траурных цветов и свечей на станции метро, я впервые не ощутил ледящего душу страха, кровь пульсировала в висках, в предчувствии скорой встречи. Они здесь, рядом, Марик и Агнешка, я чувствовал и не мог ошибиться.

Увидел их ещё издалека, они сидели на скамейке возле парка, где мы как-то раз общались с Мариком, благодаря его способностям перемещать в пространстве духовное тело. С таким даром не заблудишься и не нужен спутниковый навигатор. Я бросился их обнимать, и на радостях даже не заметил, что у моих польских друзей обречённо-потерянный вид. Они, конечно, счастливы были меня видеть, но какая-то тёмная тень пролегла между ними.

Когда мы вошли в мою каморку, я обратил внимание, с какой любовью Агнешка прикасается к предметам, словно собирая с них отпечатки моей жизни, чувств и переживаний, особенно у стола, с которого я предусмотрительно убрал её дневник и спрятал в свой учебный портфель.

– Да, квартирка-то явно на гостей не рассчитана, Ойтец, – протянул на польском Марик, – раньше мне она такой маленькой не казалась.

– Ничего, привыкнете. Да и грех сидеть в четырёх стенах, когда кругом Париж! Больше будете гулять, – отшутился я. Агнешка кисло улыбнулась.

Марик повзрослел и ещё больше возмужал за то время, пока мы не виделись. Уже не мальчик, но мужчина, семьянин, которому нелегко живётся: напряжённый, потрепанный, нервный. Готовый тут же ответить, потому что его всё достало. Читать его легко, словно открытую книгу. Агнешка бледна, молчалива, в глубине колдовских глаз плещется неизбывная нежность, нерастроченная любовь, переполняющая, не находящая выхода. Она готова вылить её на меня, подобно океанской волне, при этом умирающему от жажды мужу не даёт напиться. Тяжёлое бремя неразделённых чувств давит обоим на плечи. И Марику всё труднее этого не замечать. Я пытался отвлечь их разговорами о завтрашнем дне, обещаниями показать жемчужины Парижа. Марика уже трудно чем-то удивить, он побывал везде, где только хотел: его удивительная способность позволяет ему моментальные путешествия на любые расстояния, через любые стены. Агнешка кивала головой, но ничего не слышала, её единственным желанием было приблизиться ко мне, как можно ближе, излить своё страдание от разлуки, избавиться от того, что скопилось внутри. Её мысли и чувства занимали всё пространство вокруг, и она еле сдерживалась, чтобы не выплеснуть свою любовь наружу.

Наконец, я усадил за стол своих долгожданных гостей, за-

казав у Конни то, что у них было в меню на сегодня.

Никто из нас не решался затрагивать болезненную тему, которая послужила причиной их внезапного приезда: все об этом думали, но оттягивали неизбежный момент выяснения отношений.

– Расскажите, как там мои, что дома? – заполнил я неловкую паузу, образовавшуюся за ужином.

– Всё хорошо, не волнуйся, Добрый отец, дети растут, Наташа ждёт тебя. Ей помогают родители. Дом в деревне уже продали, так что они окончательно перебрались к вам.

Марик даже не смотрел на жену.

– Вы часто видитесь?

– Я много работаю...

– Когда ж ей? Она занята, ойтец, делает всё, чтобы дома бывать как можно реже и недолго. Это у меня куча свободного времени, вот и хожу, докучаю всем то тут, то там.

Он ковырнул вилкой рататуй*, и как ни в чём не бывало, стал спокойно жевать. Агнешка приняла укол, но не ответила. Я физически чувствовал, как их распирает и может разразиться буря.

– Без тебя, ойтец, всё рушится, – Марик провёл по огненным волосам жены тяжёлой ладонью, и этот жест не был проявлением нежности, скорее, он говорил о том, как она его замучила.

Внутренне похолодел, ожидая неминуемого взрыва, но Агнешка и на этот раз сдержалась, просто бросила в его

сторону надменно-холодный взгляд.

— Марик, не спустишься со мною в бар? По-моему, в честь встречи нам нужно что-то выпить, — я не придумал ничего лучшего, чтобы вытащить его из квартиры и не дать конфликту разыгаться прямо здесь и сейчас. — Ты что предпочитаешь, Агнешка?

— Во Франции, конечно, вино. На твой вкус Эрик, ты наверняка уже лучше нас разбираешься в этом.

Марик охотно согласился, и даже как-то облегчённо вздохнул. Мы собрали тарелки на поднос и спустились на нижний этаж, оставив Агнешку одну. В баре сидело несколько человек, Кати обслуживала за стойкой посетителей. Соседок лёгкого поведения ещё не было, для них рановато. Поблагодарив за вкусный ужин, я заплатил за него и попросил на вынос бутылку хорошего красного вина. Кати предложила Каберне Совиньон, я рассчитался за всё и потянул Марика за собой на улицу. Вечер был тихий и тёплый, где-то в ветвях, близ растущего дерева, пела какая-то ночная птаха.

— Давай, выкладывай! — я чувствовал, как меня пробирает нервный озноб. — Что между вами происходит?

Марик и не скрывал насколько раздосадован:

— А что рассказывать, Эрик, когда и так всё понятно. Не семья мы, и никогда ею не станем. Я ей не нужен. То так, то этак пытался, как ты говорил, но стало ещё только хуже.

— Если ты так будешь думать и говорить, всё именно этим

и закончится.

– Я испробовал всё, что мог. Она не любит меня. Даже мои прикосновения скорее терпит, они начинают её раздражать. Я же вижу, Агнешка, конечно, старается, но мне этого слишком мало.

– Мы всегда мерим своей мерой: много нам, мало или в самый раз, хотя в реальности всё может быть иначе.

– Легко говорить, когда твоя жена души в тебе не чает, – он криво усмехнулся, впрочем, как и моя... – обида всколыхнулась со дна его души до самого верха.

– Марик, если бы я только мог развязать этот кармический узел, давно бы сделал это. Сколько я молился за вас...

– Прости, в том нет твоей вины.

– Это хорошо, что ты понимаешь. Мы оба знаем, что сердцу не прикажешь. Но ведь ты любишь Агнешку!

– Не могу сказать, чего больше во мне стало: любви или ненависти. Я начал озлобляться, мне надоело биться башкой об стену. Мы стараемся... но нам от этого не легче! Может нужно просто расстаться, и всё станет на свои места? Но мне не хватает сил, жизнь без неё теряет смысл.

– Подожди-ка, друг мой, а кто ещё какой-то год назад давал клятву при свидетелях, что будет любить и беречь её в горе и в радости, в болезни и в здравии?

– Она любит тебя! Только тебя, Эрик! – он стукнул мне сжатым кулаком в грудь, не причиняя боли, но дав почувствовать всю мощь своих переживаний. – Она дышать без

тебя не может и задыхается. А когда я пытаюсь её утешить, отталкивает меня. Это сильнее нас и наших стараний. С этим ничего не поделать!.. Я готов убить кого-нибудь, но что это исправит?

Я обнял его с ударной дозой успокоения. Через мгновение он смог говорить менее эмоционально:

– Прости, и спасибо, мне стало легче.

– Ты прав, Марик, мы ничего с этим не можем поделать, кроме того, чтобы жить дальше, и вам лучше быть рядом, – я искал нужные слова и не находил, – придётся учить французский.

– Я это уже понял, не проблема сменить ещё одну страну, без тебя нам не справиться, вот это уже проблема... Как будем жить?

– Всё будет хорошо, Марик! И это пройдёт, и всё утрясётся, вот увидишь!.. Но негоже оставлять даму в одиночестве так надолго.

В коридоре мы встретили Констанс, я ещё раз поблагодарил её, сказав, как всё было вкусно приготовлено. На ней теперь столько забот, бедняжке, что мы редко встречаемся. Новая стратегия Конни заключалась в том, чтобы бар переделать в элитный ресторанчик, и первые попытки увенчались успехом, народа стало меньше, но те кто приходил, не скупились.

– Ко мне приехали друзья из Латвии, – я представил их друг другу.

– Я очень рада, – Конни, как это принято во Франции, несколько раз поцеловала моего гостя в щёку.

– Подождите, я сейчас вернусь! – она вскоре вернулась. – Я вчера перебирала тётушкины вещи, и нашла это... – девушка была явно взволнованна. Думаю, что Маргарет, купила это для тебя! – она раскрыла ладонь, на ней было массивное серебряное кольцо в виде плетёной косы с каким-то более жёлтым сплавом внутри, возможно даже из золота.

– Почему ты так решила, Конни?

– Много лет она никого не любила, пока не встретила тебя. Именно тогда она и купила это кольцо. Мне кажется, ты понимаешь... Это просто дружеский жест на память. Для меня оно слишком большое. Прими от чистого сердца!

На кольце ещё была бирка, но цена оторвана. Я взял его в руку и зажал ладонь, тепло ласковых рук Маргарет, гладивших меня по волосам, вернулось в душу. У меня даже слёзы появились на глазах, я обнял взволнованную девушку, не придумав ничего лучшего.

– Спасибо, Конни! Это безумно дорого для меня! Спасибо!

– Я рада, что ты принял подарок.

– Буду хранить его, как память, до конца своих дней!

Мы стали подниматься вверх.

– Какая симпатичная мулатка! И часто тебе здесь дарят кольца? – изумился Марик

Я вкратце поведал ему печальную историю Маргарет.

– Похоже, в тебя влюбляются все женщины вне зависимости от возраста и цвета кожи! – сострил он в ответ.

– Не преувеличивай, Марик! Конни тут ни при чём, она просто добрая и внимательная девушка, решившая исполнить волю усопшей.

– А то я не видел, какими глазами она на тебя смотрит!

– Это паранойя, Марик...

– Ты слепой, если не замечаешь.

Мы вошли в квартиру, Агнешка стояла у открытого окна, и я подумал, что она вполне могла слышать наш разговор, хотя зачем ей это, когда считать информацию и так не составляет труда. Марик тяжело вздохнул, поставив на стол бутылку:

– До сколько бар здесь открыт?

– До последнего клиента.

– Значит, ещё будет время сходить за второй!

Агнешка обернулась и подняла на него задумчивый взгляд.

– Боюсь, одной мне будет мало! – провоцирующе повторил Марик.

Я нашёл штопор и открыл бутылку, запрятав кольцо в карман брюк. «Выходные будут непростыми, – пронеслось у меня в голове, – думай, священник, думай!»

Часть 3. Глава 6

Я разлил вино по бокалам, оценивая ситуацию: малейшей искры хватит для взрыва. Один Бог знает, чем это всё закончится. Агнешка держалась. Марик напротив подливал масла в огонь, словно ему хотелось разобраться со всем этим раз и навсегда.

Помолился, мысленно попросив Бога сделать вино напитком примирения для супругов.

– Друзья мои, мне вас так не хватало! Спасибо, что вы приехали. За нашу встречу!

Бокалы зазвенели, ударяясь, мы встретились с Агнешкой взглядом. Я уже позабыл, насколько удивительные у неё глаза. Нить, связующая нас, натянулась до предела. Это был всего лишь миг, я тут же взял себя в руки, но кажется и этого было достаточно, чтобы Марик заметил.

Вино оказалось вкусным: достаточно мягкое, с богатым фруктовым букетом, в меру терпкое, как раз для мясного рагу.

Марик осушил бокал залпом, явно решив набраться храбрости, чтобы выяснить отношения с нами обоими. Стоило ли ради этого лететь в Париж?

Агнешка лишь пригубила вино, но продолжала держать бокал в руке, согревая его ладонями.

Затишье перед бурей. Чёрные тучи сгущались в тесном

пространстве. Всё замерло, образовалась такая тишина, что стало слышно, как в баре, в самом низу, переговариваются люди.

Я прикоснулся рукой к плечу Марика, он сбросил её словоно капризный ребёнок:

– Не надо меня успокаивать! Надоело, что все меня жалуют, как маленького!

– Тогда не веди себя, подобно мальчишке! – голос Агнешки был холодным, даже до меня дошла волна её отчуждения.

Он налил ещё один полный до краёв бокал и, молча, выпил его до дна.

– Пойду пройдуся, оставлю вас, так сказать, наедине! Не сдерживайте себя, ведь в конце концов, вы оба этого хотите! – хлопнув дверью, ушёл.

Я бросился было догнать его, но Агнешка остановила.

– Не беспокойся за него, Эрик. Всё будет хорошо.

– Ты слышала это?!

– Оставь всё, как есть, это я внушила ему уйти.

Рука легла мне на грудь, прожигая кожу и сердце. Тонкие длинные пальцы, с миндалевидной формой ногтей, достойные быть запечатлёнными на века.

– Ты не знаешь этот район Парижа, ночью здесь ходить опасно!

– Отдай его в руки Божьи. Бог знает, что делает! Пусть выпустит пар, – она потянула меня встать и обняла так, будто мы прощаемся. – Дай мне всего одно мгновение, я больше

ничего не прошу.

Стоял, как вкопанный, все силы куда-то исчезли. Не было ни малейшего желания больше сопротивляться. Агнешка замерла, подобно изваянию, закрыв глаза. Это была та капля, которую я мог ей позволить, а она – принять. Сколько мы так отстояли, я не знаю. Время перестало существовать. Она слушала как бьётся моё сердце, а я читал её, как открытую книгу.

Именно эта неразделённая гамма чувств и переживаний делает Агнешку исключительной, почти совершенной, как ювелир, вытачивая из камня ослепительные грани нового шедевра. Рубин, кроваво-красный, вот, с чем я бы сравнил её. Как много она могла б, если бы только захотела. Уникальная, одарённая душа! Но любящее сердце не позволяет ей воспользоваться своими способностями. Она сложила передо мною крылья, немощно, словно раненная птица, глядящая с мольбой о милосердии. Но образ Наташи, моего Ангела-Хранителя, незримо стоит между нами. Я не предаю его, даже в мыслях. Моя любовь к Агнешке совсем другая. Так отец может прижать к груди любимое страдающее дитя.

Ради этого она и приехала. Без этой святой чистоты и тепла она задыхалась. Марик эгоистично хочет присвоить её себе одному. Я не держу, не требую, не прогоняю. Она так ясно дала мне увидеть эту разницу.

– Ты для меня – всё! – то ли выдохнула, то ли произнесла вслух Агнешка, но так, что слова сии пронзили меня, как

стрелы святого Себастьяна. – Я не оскорблю тебя своими низменными желаниями, только позволь быть рядом, ещё немножечко, ещё совсем чуть-чуть...

Сердце мощными толчками перекачивало по венам кровь, приближая к точке взлёта моё сознание. Это помешательство, я сейчас упаду.

– Что ты делаешь?

– Ничего, – она отступила на шаг назад. – Ты в порядке?

– Пока живой... – еле выговариваю я, пытаюсь восстановить душевное равновесие. – Что это?

– Не знаю. Видит Бог, я не внушаю тебе ничего. Это происходит само собой. Память. Она у нас общая!

Средние века. Всё те же красные волосы и удивительно-го цвета глаза... Она пылко целует меня, больше чем целует, мы предаёмся страстной любви, безудержно, дико, словно в последний раз... Так и есть. Врываются какие-то страшные люди, хватают нас, словно преступников.

«Прелюбодеи! Смерть блуднице! Ведьму на костёр!» Её обнажённой стаскивают с постели, кидают на пол, смеются над её красотой, тыча в живот оружием. Безуспешно пытаюсь освободиться от крепких рук, гнев переполняет, что есть мочи ору, чтобы её немедленно отпустили:

– Я барон Гриманни, ублюдки, вы за всё заплатите! С каждого из вас сдерут кожу и подвешат на площади!..

– Молчи сопляк и не лезь, отцу своему жалуйся! Может,

он поможет! – опять издеваются. Бьют её, а меня просто держат. Вырываюсь, но тут же сбивают с ног, заламывают руки, придавливая спину коленями.

В лицо моей женщине бросают старое, потрёпанное нищенское тряпье,

– Оденься, дьяволица!

Последний взгляд обречённых каре-зелёных глаз. Такое чувство, что она обо всём знала и даже не пытается избежать своей участи. Её вытаскивают во двор.

Удар в затылок. Очнулся, уже никого. Оделся, голова трещит, панический ужас, а вдруг уже поздно? Бегу, бегу спотыкаясь, из последних сил, дыхания не хватает, режет в бок. Народ движется к площади.

«Нет, только не это!»

Она, вся избитая, уже привязана к столбу. Кровь, стекая по голым ногам, капает на разложенный под ногами хворост. Пробиваюсь ближе, кричу ей, но возбуждённая толпа голосит: «Сжечь ведьму!...»

Меня не слышно, пробиваюсь, распахивая зевая локтями.

Я должен её спасти!

Аббат в чёрной рясе монотонным голосом дочитывает приговор. Палач подносит огонь.

– Нет!!!

На ней вспыхивает порванное платье, последний взгляд, она находит меня глазами. Истошный крик разрывает мою грудь, сливаясь с её предсмертными воплями. Костёр разго-

рается, захватывая её всё больше в адский плен. Вспыхивают волосы. Я падаю на землю, раздирая ногтями себе лицо, корчусь в агонии отчаяния. Темнота.

Когда опомнились, нас била нервная дрожь. Мы смотрели друг на друга так, словно не виделись тысячи лет.

– Теперь понимаешь?!

Я не мог ответить, просто прижал её к сердцу, поглаживая ладонью жесткие, как лён, локоны. Перед глазами застыла ужасающая картина.

– Прости... – не знаю, что сказать, земля уходит из-под ног.

Снова убеждаюсь в том, что ни один человек не выдержал бы памяти прошлых воплощений, но подсознание их бережно хранит.

Агнешка дрожит всем телом, словно продолжая пылать на костре.

Беру её на руки, несу в постель, укрываю одеялом. По щекам у обоих катятся слёзы, голос охрип. Опускаюсь перед ней на колени, молю Бога о милосердии, до тех пор, пока она не перестает трястись и успокаивается.

Осознание пережитого не отпускает. Не нужно слов. Каждый из нас понимает, что они уже ни к чему.

– Его убили...

– Кого?

– Нашего ребёнка, ещё до того, как сожгли меня.

Бордовая кровь, стекающая по белым ногам, вновь появляется у меня перед глазами. Этого уже не забыть. Инквизитор проклял её когда-то. Я должен был стать священником, чтобы это исправить...

Часть 3. Глава 7

Так и застал нас Марик: Агнешка на кровати, а я перед ней на коленях.

– Где-то я это уже видел, – промямлил он то ли пьяный, то ли...

Мы обернулись и только тогда заметили его избитое лицо, я тут же вскочил.

– Что случилось?!

– Ночной Париж обрадовался твоему появлению?! – состроила Агнешка.

Бровь рассечена, губа распухла, а сжатые в кулаки руки в кровавых ссадинах на костяшках. Картина маслом: была драка.

– Вино ещё есть?

– Хватит с тебя уже приключений! Если пить не умеешь, так и не берись! – она не скрывала своего негодования. Усадив своего непутёвого супруга, она прижгла ему раны. Марик ныл и стонал, чувство было такое, что Агнешка вовсе не старалась его жалеть. Это его сразу отрезвило, ведь судя по всему, наш герой ещё где-то неплохо наклюкался, скорее всего внизу, где веселье было в самом разгаре. Когда попытка его закончилась, он схватил Агнешку за ноги и прижал к себе с таким пылом, что я поспешил отвернуться.

– Прости дурака, не злись, я так по тебе соскучился!

Воздух стал тягучим, как смола.

– Какой же ты ещё мальчишка!.. – Агнешка не отталкивала его, потрепав ладонью по волосам.

– Ты предпочитаешь более зрелых мужчин?

– Хм! Опять начинаешь!

Было крайне неудобно присутствовать при этой сцене, но ещё хуже спуститься вниз или выйти на улицу, где разъярённые участники сражения разыскивают Марика, их крики с грубыми словами были слышны даже здесь. Пришлось смириться с тем, что мы ночуем все вместе в этой маленькой парижской клетушке. Расстелил себе раскладушку в надежде, что лягу и перестану им мешать, кровать предоставив гостям. Марик приставал к жене с поцелуями, Агнешка убеждала его лечь. Но он продолжал проявлять ненужную ей нежность, пока она наконец не рыкнула на него, как следует.

Мало ему, видимо, всыпали, он ещё не выпустил пар до конца. А с другой стороны, я сам просил Господа сделать вино напитком для примирения.

Я лёг лицом к стене и старался не слушать их, пожелав всем спокойной ночи, но можно ли заснуть после всего, что увидел? Закрыв глаза, притворился спящим. Передо мной ещё полыхало пламя костра с обугленными останками любимой женщины. Ей сегодня тоже не найти покоя.

Наша связь протянулась через века, её хранительницей всегда была она. Всё верно, не меня же живьём сожгли!.. И неважно, сколько времени прошло с тех пор: такому нет

срока давности. Мы остаёмся собою, меняются тела, обстоятельства, судьбы, но вечное «я» остаётся бессмертным и помнит всё.

Когда они, наконец-то, улеглись, и свет погас, я смог открыть глаза. Из окна струилась лунная дорожка, прочерчивая границу между нами. Агнешка не спала, её ровное дыхание иногда перебивалось сдержанными вздохами, переживала так же, как и я. Нам теперь придётся с этим жить.

Лишь под утро, когда Луна переместилась на другую сторону, мне приснился дом, Наташа и дети. Моя целительная гавань. Одно прикосновение жены, один её любящий взгляд излечивает раны.

Ещё до будильника очнулся, отключил его, тихонько встал. Раскладушка предательски скрипнула. Агнешка тут же открыла глаза. Удалось ли ей, бедной, вздремнуть этой ночью? Я не спрашивал. И вообще не знал, как теперь себя с нею вести. Кажется, она это почувствовала.

– Доброе утро, Эрик! – надев на футболку кофту, она собрала в хвост непослушные волосы.

– Здравствуй! Зачем так рано поднялась? Поспите ещё. Ключ оставляю в двери, если пойдёте гулять, положите его под коврик.

Кивнула в ответ, не сводя с меня глаз.

Взял с собой тетради, не забыв просунуть между ними исповедальный Агнешкин дневник. Она, заметив это, улыбнулась.

– Не хочу никого расстраивать! – шёпотом прокомментировал я, указывая на спящего Марика.

– Уже уходишь?

– С утра занятия. Похозяйничаете без меня.

– Я спущусь с тобой.

– Ещё рано, спи!

– Кофе будешь?

– По дороге куплю.

– Значит, попьем вместе.

Через пару минут мы вышли из квартиры под сладкое сопение Марика.

– Зря ты ушла.

– Ничего. Он будет спать, а я куплю круассанов к завтраку...

Мы спустились вниз, лёгкий утренний туман обволакивал землю перед жарким днём. Париж уже просыпался под шум проезжающих мимо авто и проносящихся вдали составов метрополитена.

Агнешка несмело прикоснулась к моей руке, а после с жаром прижалась к ней.

– Не нужно было будить в тебе воспоминания.

– Нет! Всё правильно. Считаешь, лучше тебе одной бороться с этим, никого не расстраивая тем, что тебя когда-то сожгли и проклинали нерадивые слуги Господа?! – мой голос дрогнул.

– Я справлюсь, Эрик. Я – сильная.

– Что же мне делать с тобой, чудесная моя девочка? Выход должен быть, и мы обязательно что-нибудь придумаем. А пока обещай мне одно...

– Что именно?

– Будь поласковее с ним!

Мы подошли к открытому кафе и, заказав булочки и два кофе, сели за столик.

– Ему ведь многого не нужно, – продолжил я, хотя ей это совсем не нравилось.

– Ты ещё поучи меня, как мужа ублажать! – в её голосе звучала обида.

– Я не об этом. Что тебе стоит внушить Марику капельку счастья?

Посмотрела на меня как-то рассеянно, всё-таки она так и не поспала этой ночью, только сейчас заметил, насколько утомлённые у неё глаза.

– Ты предлагаешь пойти на обман?

– Нет, заняться психотерапией. Внушая Марику то, что вы счастливы, ты будешь сама вынуждена думать об этом. А это значит, что рано или поздно, вы оба почувствуете себя гораздо лучше. Ты ведь знаешь, наши мысли работают...

Она вначале хотела возразить, но передумала.

– Особенно, твои!.. – я сделал последний глоток. – Мне пора бежать. Ничего не говори сейчас, просто подумай, так будет легче для всех, – я чмокнул её в лоб и поспешил к метро.

Взгляд её каре-зелёных глаз прожигал мне спину. Мы слышали друг друга слишком отчётливо, так, что не нужно было даже озвучивать:

«И я тебя люблю, Агнешка, но я никогда не предаю моей семьи. И ты знаешь об этом.»

Часть 3. Глава 8

Вернувшись после вечерней службы, я никого дома не застал. По старой русской традиции ключ лежал под ковриком. Воровать у меня всё равно нечего, откровенно говоря. Мои польские друзья отправились гулять по Парижу, возможно, о чём-то договорятся и, даст Бог, помирятся.

Вчерашний день многое во мне перевернул. С одной стороны, ситуация прояснилась, и теперь мы оба прозрели, узнав откуда у этой любви корни. С другой, прошлое осталось там – под толщей веков, и если бы не Агнешкины чувства, которые ей удалось пронести сквозь столетия, мы бы никогда об этом не вспомнили.

Я люблю Наташу так сильно, что не смогу жить без неё. Агнешка бесконечно мне дорога, но это совсем иное чувство. То древнее осталось где-то глубоко внутри, но я изменился за это время, стал другим.

Есть только один способ исправить эту тупиковую ситуацию: коль не удаётся разлюбить, нужно направить чувства в русло, приемлемое для всех.

Но как это сделать?! Решение крутится где-то рядом, но я никак не могу его уловить. Заставить её разочароваться во мне? Я не пойду на подлость, это подорвёт в ней последнюю веру в человека. Такое решение отпадает само собой. Да и где гарантия, что она не оправдает меня, ведь любовь про-

щает всё. Ищу и просчитываю возможные варианты, но ни один не подходит. Вспомнилось, «когда не можешь изменить ситуацию, измени подход к ней.» Но как сделать это с другим человеком, беззаветно преданным и любящим тебя?..

За этими размышлениями и застали меня врасплах молодые, вернувшиеся с прогулки с полными кулками покупок. Марик выглядел значительно лучше, если не считать синяка и припухлости под глазом.

Мы поздоровалась. Он опустил глаза, ему было неловко и стыдно за своё поведение. За ужином Марик всё-таки не выдержал и сказал:

– Эрик, прости, я вёл себя как последний кретин.

– Марик, ты не у меня, а у жены проси прощения. Я давно всё простил, а если быть точнее, и не обижался.

– Мы уже поговорили, – у Агнешки промелькнула искорка в глазах, кажется она, всё же, воспользовалась моим советом. Отношения между ними стали заметно теплей, и это не могло не радовать.

– Где были, что видели? – я сменил тему, чтобы снять с Марика напряжение.

Пока они увлечённо рассказывали, как прошёл день, я всё ещё не переставал думать о том, что не даёт нам покоя. Самым лучшим решением было помочь Агнешке переключить свои чувства на мужа. Но разве не этим мы занимались последнее время? И кажется, исчерпали возможности.

– Ты слышишь?

– Прости, задумался. Вам понравилось?..

«Только Божья милость может всё изменить в одно мгновение ока. Стань для неё опорой, твердыней, что защитит её от самой себя, добрым, нежным, терпеливым, Марик!» – как вразумить двадцатилетнего парня, когда сам учишься этому целую жизнь?!

Агнешка посматривала на меня, считывая мысли, по крайней мере, их суть. Марик оставался беспечно весёлым, ей удалось внушить ему то, о чём я просил. Это облегчало ситуацию и давало нам время.

– Ты устал, Добрый отец! – проходя мимо меня, она еле заметно провела ладонью по моей голове. И её мысли проникли в меня, услышал их не хуже собственных:

– Оставь всё как есть. Меня всё устраивает, я смирилась. Чем тут поможешь? Я сделаю всё, как ты захочешь, только не мучай себя больше, больно смотреть. Если понадобится, я всю жизнь буду настраивать Марика на семейное счастье...

– Только это иллюзия, и тебе не станет легче.

– Я привыкла. Мои чувства к тебе – это всё, что у меня есть за душой. Не отреклась от них тогда и теперь не предаю, даже если ещё раз придётся пойти на костёр. Не знаю, любил ли ты меня когда-нибудь по-настоящему, Эрик? Но моих чувств хватит на нас двоих.

– Я и теперь духовно люблю тебя, Агнешка, безгрешной чистой любовью. От неё никому не бывает плохо.

– А как же плоть?

– У тебя есть муж, у меня жена, наша плоть принадлежит им и никому больше.

– Меня кто-нибудь слушает вообще?

– Прости, Марик, у меня был тяжёлый день, немного устал.

– Так вот, этот араб достал ножик и начал им трясти перед моими глазами. Ну, тут у меня крышу и сорвало... Показал я им всё, что умею!

– Это хорошо заметно по твоему лицу, – Агнешка ухмыльнулась.

– А нож?

– Да вот он! – Марик вытащил из кармана холодное оружие, которое я однажды уже видел у нападавших на меня. – Я когда первого уложил, второй сам драпу дал, да так, что пятки сверкали.

– Где же ты так драться научился? – удивился я.

– Ну, во-первых, я проходил подготовку в центре охраны, ну и не первый год живу на этом свете!..

– Нашёл чем гордиться, а если бы тебя пырнули?!

– Ты бы стала молодой и красивой вдовой, Агнешка.

– Прекрати, Бога ради, и мысли эти брось!

Марик вновь беспечно заулыбался, с обожанием глядя на свою одарённую жену. Сила этой женщины не знает пределов, во всяком случае, мне они неизвестны. Но она всегда оставалась честной со мной. Что ей стоило внушить мне от-

ветную страсть?..

– Нож верни!

– Ах да, прости, военный трофей из Франции! Ты только постарайся больше не выходить один по ночам, а то в следующий раз их будет не двое, а четверо, и подкараулят они тебя там, где никто не поможет.

– Мне вчера нужно было кому-нибудь съездить по «фэйсу»...

– Ну и дал бы мне, зачем далеко ходить.

– Тебе?! – он замолчал, взвешивая каждое слово. – Тебя я бы никогда не ударил. Эрик, ты мне спас жизнь, и не только жизнь...

– Вот и славно. Давайте пить чай!

– У меня к чаю есть что-то вкусное! – Агнешка полезла в дорожную сумку и достала из неё коробку латвийских конфет «Лайма»*. Вкус Родины, тоска заполнила сердце.

«Наташа, любимая, как же ты далеко!»

Агнешка тяжело вздохнула. Мы всё ещё были в контакте и слышали друг друга:

– Сумасшествие, разве можно так жить?

– Можно. В этом мире всё возможно, поверь!

– Как не верить?! Ты не оставляешь мне выбора.

*«Лайма» (в переводе с латышского – счастье)

Часть 3. Глава 9

Спать ложились без гнетущего состояния напряжения. Влияла ли на всё это наша Агнешка? Возможно. Чутьочку. Ей хотелось, чтобы я отдохнул после вчерашнего потрясения и бессонной ночи.

И снова круглая Луна смотрела в окно, немой свидетель всех времён, точно так же как много веков назад. Сколько ей повидать пришлось, вращаясь вокруг Земли!..

Моя раскладушка стояла рядом с кроватью, не очень-то и удобно, но другого места в тесной комнатухе просто не нашлось. Уже проваливаясь в сон, я ощутил как ладонь Агнешки тихонько коснулась плеча. Это было приятно, энергия любви струилась через её пальцы, тёплая и нежная, как парное молоко... Я с горечью подумал о том, что у Агнешки не может быть детей, на таких руках выросли бы уникальные чада.

И всё же, почему это случилось с ней уже не в первый раз? Почему судьба безжалостно забирала у неё счастье материнства?

Приснилось, а может быть, воспоминания нахлынули. Я бегу к любимой женщине по сосновому бору. Глаза юной знахарки не дают покоя. В городе говорят о ней разное. Кто-то считает её воплощением зла, а кто и Божьей посланни-

цей. Я обрёл в ней любовь. Кровь закипает от одной мысли об этой таинственной женщине, так легко отдавшейся мне без всяких колебаний в первый же день знакомства. Условности вообще не для неё, она свободна: искренняя, страстная, не похожая ни на кого, движимая понятными только ей одной принципами, творящая чудеса.

Однажды при мне привезли на телеге крестьянина, глубоко поранившего руку серпом. Ворожея просто пошептала над раной, слов я не разобрал, она произносила их очень тихо, почти беззвучно. Кровотечение остановилась прямо у всех на глазах. Человек был спасён.

Ведьма? Даже если и так, она делает добро, ни разу не видел, чтобы она кому-то сотворила плохое. Люди к ней идут за помощью, но почему-то боятся. Неведомое всегда пугает, то, что не имеет объяснения, шокирует.

Мне всё равно, что она старше и бедна как лисий хвост. Я по-настоящему влюблён и больше не могу без неё ни дня прожить. То, что делает со мной эта женщина, не поддаётся описанию! На ходу расстёгиваю плащ, стало жарко от мыслей о ней. Этот плащ тёмно-зелёного цвета, из шерстяного сукна, в первый раз стал для нас брачным ложем. Я случайно наткнулся на неё в лесу. Прекрасная нимфа стояла с корзиной, полной разных трав и цветов. Она что-то напевала. Именно эта незамысловатая мелодия и привела меня к ней, заманив в самую непроходимую чащу. Женщина не испугалась появления незнакомца, напротив, сказала, что долго

ждёт меня, а я нерешителен и так молод.

– Подойди ко мне ближе, – она опустила корзинку и стянула с волос покров. Огненные волосы ослепили меня, как солнце. В её глазах я обрёл омут, в котором навеки пропал. Она сама прикоснулась ко мне губами, тёплыми и мягкими, со вкусом спелой земляники, и земля начала уплывать из-под ног. Развязав на мне плащ, она уложила его на мшистый ковёр и, скинув с себя платье, подозвала. Как же она восхитительно-красива! Даже во сне я не мог представить себе ничего подобного, а уж наяву и подавно. Совершенное, упругое, нежное женское тело моментально возбудило меня. Её руки ласкали, разжигая в груди неистовый пожар, которым я больше не мог владеть, всё случилось так быстро, что невольное разочарование настигло нас, но волшебница не отпускала меня из плена, всё продолжая покрывать поцелуями, шептала странные слова... Мы не заметили, как наступила ночь. Огонь не угасал и страстные объятия не размыкались. Я забыл о доме, кто я и где нахожусь.

Как найти этому объяснения? Зачем молодой, незамужней красавице нужно было подвергать себя риску? Почему именно я? Она не говорит об этом, но любит с каждым разом всё сильнее. Помню, тогда, чтобы отблагодарить её, я снял с пальца отцовский перстень с большим изумрудом, подарок на моё совершеннолетие, и хотел отдать его ей. Но она наотрез отказалась принять его, хотя кольцо стоит целого состояния. И теперь ничего не берёт от меня, кроме любви, хотя

живёт очень бедно и питается Бог знает чем. Ягоды, грибы и травы, больше ничего нет в её жалкой лачуге, но нищенская обстановка не пугает и не тяготит. Здесь пахнет цветами, которые она заготавливает и подвешивает к потолку.

Колдунья с каким-то немим отчаянием бросается мне навстречу всякий раз, будто уже и не верила, что я снова приду. Знаю, что я единственный в её жизни, так было и будет. За что Бог послал мне эту райскую награду? Чем заслужил я дары бессмертных? Богиня в моей власти, вся принадлежит только мне одному.

Оголяю её хрупкие плечи, платье само сползает на пол, обнажая горячее тело. Грудь трепетно вздымается и нам становится нечем дышать. Лишь полное единение позволяет жить дальше. Сама природа сосредоточилась в ней.

Кто сравнится с царицей моей?! Отец прочит в невесты мне девушку благородных кровей, даже не понимая, что все они в своих богатых нарядах и драгоценностях жеманные лгуны, пустышки, ничего собой не представляющие. Истинная красота, над которой не властны ни время, ни деньги, есть только в тебе, моя Эделина!

Очнулся, ещё было темно, пожалев о том, что я не дух и не могу бесшумно исчезнуть. Поднялся как можно тише, но раскладушка всё равно скрипнула. Марик заворочался, что-то еле слышно пробормотав.

Мне нужно на воздух! То, что привиделось этой ночью,

ещё придётся переварить. Понятно, что связь времён каким-то чудом проявилась, а я ищу всё те же ответы на те же вопросы.

Похоже, Агнешка спит или тщательно создаёт такую видимость. Мне необходимо побыть одному. Нашупав на столе её дневник, с которым я не расстанусь, вышел из квартиры, тихо прикрыв за собою дверь. Сердце тревожно бьётся в груди.

«Эделина – мой Эдем, моя долина», – эти слова я ласково шептал ей каждый раз при встрече. С ума сойти! Что со мной происходит?!

На дворе около пяти, ещё темно. Тишина, непривычная для большого города. Где-то пересвистываются ночные птицы. Птицы умудряются приспособиться и выживать даже в этих каменных джунглях!..

Куда меня влечёт? Проходя по тёмным улицам и слушая собственные шаги, я направлялся куда глаза глядят, потому что не мог больше находиться рядом с Агнешкой после всего, что почувствовал и увидел.

Если верить сну, мы были из очень разных сословий. Может быть, это и объясняет, почему меня не убили вместе с ней?.. Мысли путаются в голове. Тело ещё ощущает любовный пыл, и если бы вдруг пошёл дождь, я был бы очень признателен Небесам, чтобы скорее остудить безумное томление. Но небо как назло без единого облачка, Сена – грязная и не вызывает желания искупаться. Всё, что остаётся –

идти вперёд, жадно глотая лёгкие струи ветра.

«С этим нужно что-то делать! — звенит в голове колокольным набатом настойчивая мысль. — Ещё немного, и я сорвусь, не выдержу, ведь не железный! Господи, помоги! От Тебя не укрыто ничего! Как я могу ей помочь?! Ты знаешь всё, что было, есть и ещё будет. Я всего лишь человек, созданный Тобою, смилуйся над нами! Не дай потерять рассудок! Выход должен быть из любой ситуации, и в этой он непременно найдётся. Никто не должен страдать из-за того, что мы вспомнили, как это было когда-то.»

Передо мной появился небольшой храм, затерявшийся посреди старинных улиц Парижа. Конечно, он оказался закрыт. Я сел на ступеньки, чтобы отдышаться.

Постепенно мысли обретали умиротворение. На востоке появилось просветление, значит, скоро наступит новый день, и всё будет так, как надо. Люди просыпаются: кто-то спешит на работу, кто-то выгуливает собаку. Жизнь города продолжается. Сколько длилась моя прогулка я не знаю, и неважно. Нужно восстановить душевное равновесие и не натворить бед.

Ясность ума — величайшая благодать, возможная лишь в спокойном, гармоничном состоянии. Прижав к груди заветную тетрадку, я думал о хитросплетении наших судеб, о том, как нити переплетаясь на ткани, образуют узор. Так и мы, люди, взаимодействуя друг с другом, создаём сюжеты, картины, полотна истории. Порой волшебные, но чаще —

бездарные, сложные и неинтересные. Сколько же раз мы уже пересекались с Агнешкой? Но так и не исправили сюжета. Ошибки прошлого, его тёмные страницы, покрытые пеплом... О чём говорят они?

Часть 3. Глава 10

Когда открылось первое кафе, я зашёл выпить свой любимый «эспрессо». Тетрадка лежала передо мной на столе, как свидетельство теперешней жизни Агнешки. Но сейчас больше занимало то далёкое прошлое, казалось, ключ к разгадке именно там. Мне принесли ароматный напиток, и сразу же стало легче. Часы в баре показывали девять.

«Наверное, мои гости уже проснулись, и удивляются, где я... Ну да Бог с ним! Важнее другое, а Париж и без меня могут посмотреть, третий – всегда лишний.»

Зачем-то полез в карман, ах да, за мелочью, а нащупал кольцо. Прощальный подарок Маргарет, вот где мудрая женщина была! Она бы дала дельный совет. Одел его на палец, для безымянного размер маловат, для мизинца – чуть велико. «Как же ты смогла зарядить его такой силой, не обладая особыми знаниями?» Ощущение было такое, что Маргарет рядом и держит меня за руку. Кольцо... Во сне тоже фигурировал большой массивный перстень с изумрудом, судя по всему, очень дорогой. Благородная кровь... Стоп. Мы полюбили друг друга, когда это было невозможно. Дворянин и нищенка. Она носила во чреве моё дитя. Смешение крови! Откуда они могли знать? Ведь не было ещё ничего заметно, даже я не догадывался. Почему били её в живот? За что сожгли? Только ли за колдовство, или это было нужно кому-то

более заинтересованному?! Почему меня не арестовали вместе с ней? Ответ напрашивался сам собой. Я не помнил того отца, но вполне можно предположить, что он приложил к этому руку, чтобы спасти заблудшее чадо от ведьмы, избавить от позора семью: какая бы благородная дама пошла за меня, если бы узнала, что у жениха в любовницах колдунья?.. «Прости, Агнешка!»

Это открытие, подобно солнечному затмению, погрузило меня во мрак. «*Mea culpa, mea culpa, mea maxima culpa!* Моя вина, моя вина, моя величайшая вина!» – слова из покаянной молитвы прозвучали в сердце. Она пришла ко мне за спасением, и её сумасшедшая любовь, это и есть ключ к разгадке. Я, так или иначе, являлся причиной того, что её проклинали. Мне и предстояло всё исправить. Но как?

«Вопросы крови – самые сложные вопросы в мире!» – вспомнились слова Булгакова.

То, что проклятье всё ещё витает на ней, говорила мне теперешняя жизнь. Начиная с детства, кончая этим днём. Она задыхается без меня, потому что я должен быть рядом. Таким образом Бог подталкивает нас друг к другу, хотим мы того или нет.

«Что я могу сделать? Я люблю другую женщину, у нас семья, я никогда её не предам!»

– А зачем предавать?! – прозвучал голос Маргарет.

Я машинально оглянулся вокруг: кроме меня, из посетителей никого. Но голос звучал совсем близко, как будто

во мне. Я ещё раз посмотрел на кольцо и подумал, что на этот раз точно схожу с ума.

– Не сходишь, мой милый мальчик! Ты нуждался во мне, я пришла. Думаешь, я просто так понимала своих клиентов? Ничего в жизни не бывает случайно! Я спешу тебе помочь, горько видеть, как ты себя истязает, какой груз взвалил себе на плечи. Более того, ещё возложишь. Вы открыли временной проход, его теперь не закроешь, пока не вспомните всё. Впрочем, ты и так уже близок к разгадке. Остался ещё один шаг. Смещение крови, Эрик, смещение крови!

Меня словно окатили ледяной водой. Резкий вдох, задержка дыхания, выдох.

«Как просто, Господи, как просто!.. Вот оно! Кровь, проклятая Церковью и кровь благословлённая Ею же. Вот и лекарство от болезней! Кровь агнца омыла грехи мира...»

– Спасибо, Маргарет! – я поцеловал кольцо и, расплатившись за кофе, побежал к ближайшей станции метро, чтобы как можно быстрее попасть домой. Я был уверен в том, что нашёл разгадку.

«Благодарю Тебя, Боже, за всё благодарю!.. – теперь в моей груди горел луч надежды. – Эделина, Агнешка моя, я знаю, что нужно делать!»

Не прошло и получаса, как я взбежал по лестнице и ворвался в квартиру. Молодые уже встали. Вид у меня был, видимо, совершенно безумный. Я схватил Агнешку и прижал к себе так, словно от этого зависела не только моя

жизнь но и спасение мира. Она оторопела. Марик, потеряв от неожиданности дар речи, даже поперхнулся.

– Девочка моя, я спасу тебя! – я покрыл поцелуями её лицо, на котором отражалось такое смятение чувств, что нет слов для сравнения. Маятник наших эмоций зашкалил.

– Что происходит, может объяснишь?! – словно опомнившись, пробасил Марик.

– Где твой нож? – вопросом на вопрос ответил я, не отрывая глаз от Агнешки.

– Здесь.

– Дай!

– Зачем?

– Надо.

Марик машинально протянул мне свой трофей, добытый в бою. Агнешка, уже начала понимать, что происходит. Мы смотрели друг другу в глаза, и столетия соединились, мир перевернулся, перед Эрнесто стояла Эделина, пахло травами, в печурке горел огонь.

– Ты веришь мне?

– Верю, – твёрдо произнесла она, – коли не может быть иначе, да будет так!

Если бы я сейчас всадил в её сердце нож, она бы с радостью приняла и это. Такого доверия я ещё не встречал... Время остановилось. За эти доли секунды мы пережили целую вечность. Холодное лезвие вошло в плоть, и горячая кровь побежала струйкой.

– Вы спятили?! – заорал Марик.

– Ты всё потом поймёшь! – ответил я, как будто в заторможенном состоянии. – Агнешка, ты веришь мне?

Она выхватила нож у меня из рук и сделала то же самое.

Две кровоточащих ладони соединились.

Мир закружился вокруг. В меня входила такая сила, которой я никогда не знал: кипящая лава вползала в мои вены, продвигалась к сердцу, я подумал, что это конец... и стало удивительно хорошо. Агнешка испытывала нечто подобное: в её глазах заискрился неземной чистый свет.

Что было дальше, я не помню, очнулся уже на полу, мы снова встретились взглядом. В ней появилось то, чего никогда не было: внутренний глубокий покой. Агнешка держала меня за порезанную руку, но кровь остановилась, даже рана не болела. Только потом я разглядел за её спиной Марика.

– Ну вы, блин, даёте! Я чуть с ума не сошёл! Суицид на глазах, среди бела дня!

– С точностью наоборот... – заметил я, поднимаясь с пола.

Рубец от пореза затянулся запёкшейся коркой.

– Ты не потеряла свой дар, сестра?! – я улыбнулся, погладив её по щеке. – Марик, теперь ты свидетель, что твоя жена является мне родной, кровной сестрой! И то, что Бог соединил, то человек да не разлучает... Теперь я всегда буду рядом с тобой, буду заботиться о тебе и оберегать на правах старшего брата! Пусть больше ничего не стоит между нами!

Мы обнялись, а по её щекам текли слёзы, но это были слё-

зы отпущения. Агнешка стала свободной. Стала ли она меня любить меньше от этого? Нет, но любовь потекла в другое русло. В тот же день Марик узнал всё, что было известно нам о прошлом. Но это уже не травмировало его душу, потому что он стал очевидцем нового завета между нами и поверил в грядущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.